

АЛАН
ЧАРОИТ

ТАЙНЫ ДИВНОЗЁРЬЯ

Алан Чароит
Тайны Дивнозёрья
Серия «Дивнозёрье», книга 2

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65550286
Алан Чароит. Тайны Дивнозёрья:

Аннотация

«Ох, давненько ей не приходилось устраивать засаду прямо в собственном доме! Вся местная нечисть знала ведьму; со многими Тайка даже дружила. А те, с кем не дружила, предпочитали с ней не связываться: она ведь могла и заклятием по лбу приложить, и мечом Кладенцом в довесок отоварить. Так что и бесы, и садовые кикиморы, и прочие духи лесные да водные знали: нашей ведьме палец в рот не клади – откусит! Не в прямом смысле, конечно. И все-таки кто-то осмелился поозорничать прямо у неё под носом...»

Содержание

Глава первая.	4
Глава вторая.	17
Глава третья.	30
Глава четвертая.	44
Глава пятая.	57
Глава шестая.	71
Глава седьмая.	85
Глава восьмая. А времени все меньше...	100
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Алан Чароит

Тайны Дивнозёрья

Глава первая. Спутанные нити

– Пушок! Где ты? А ну вылезай, паскудник! Кто мне опять все нитки спутал?

Тайкиному возмущению не было предела.

Стоило отвернуться, а этот негодяй мохнатый снова решил поиграть с клубками! А ведь он даже не кот, а коловерша. То есть кот всего лишь наполовину, а на другую – сова. Но на нитки все равно покушается. Вот наглая рыжая морда! Ведь знает же: Тайке и без того непросто. Вязать она толком не умеет и делает это очень медленно. Вот бабушка – та к каждой зиме готовила какие-нибудь обновки: то свитер, то шапку, а уж сколько носков и варежек раздавала – вообще не сосчитать. Но теперь бабушка покинула мир людей и стала царицей в Дивьем царстве, а Тайка заняла ее место ведьмы-хранительницы Дивнозёрья... и это в шестнадцать-то лет! Многому же ей пришлось научиться! И, признаться, колдовство ей давалось куда лучше вязания. Но на днях домовой Никифор пожаловался, что его любимый

шарф проела моль – даже мешочки с геранью не помогли, – в общем, пришлось Тайке браться за спицы. Ох, и намучилась она поначалу, а Пушок с его играми ну вообще не помогал!

Заслышав ее крик, заспанный коловерша выбрался из-за печки и захлопал сонными янтарными глазищами.

– Тая, ты чего орешь как потерпевшая?

– погоди, ты спал, что ли? – Тайка с подозрением глянула на Пушка, потом на нитки. – А кто же тогда с клубками играл? Не Никифор же!

– Вот так всегда, – проворчал коловерша, потягиваясь и расправляя крылья. – Чуть что, сразу Пушок, такой-сякой-разэтакий! А стоило всего-то разок клубок лапкой подтолкнуть, детство вспомнить... Эх ты!

Тайка виновато развела руками:

– Ну, прости...

Коловерша, бывало, привирал, но она уже научилась определять, когда этот хитрец юлит, а когда говорит правду. Сейчас он не лгал. Но кто же тогда спутал нитки?

Последний вопрос она задала вслух, и Пушок сразу же заметался:

– Так. Это дело для лучшего дивнозёрского детектива. Для меня, то есть. Мы должны устроить засаду. Затаиться и подстеречь негодяя! А потом я уж ему разъясню, что нельзя бросать тень на репутацию честных коловершей.

– Ну, с честностью – это ты загнул, – усмехнулась Тайка. – А кто на днях сметану подъял прямо из холодильника, да еще

и стенки банки вымазал так, чтобы было не сразу заметно?
– Может, Никифор? – Пушок закатил глаза к потолку, изображая саму невинность.

– Ну, коне-е-ечно...

Нет, Тайка не злилась. Она давно привыкла, поэтому, покупая продукты, всегда учитывала аппетиты этого проглота. Ведь, как говорится, мы в ответе за тех, кого приручили.

– Может, сметану тот же бесёнок спер, который тебе нитки путает? – Коловерша врал, не краснея. Хотя кто знает, может, он и краснеет, просто под шерстью и перьями не видно?

– А с чего ты взял, что это именно бес?

Пушок глянул на нее свысока и авторитетно заявил:

– Ну а кто же ещё?

Тайка усмехнулась:

– Думаю, мы скоро это узнаем...

* * *

Ох, давненько ей не приходилось устраивать засаду прямо в собственном доме! Вся местная нечисть знала ведьму; со многими Тайка даже дружила. А те, с кем не дружила, предпочитали с ней не связываться: она ведь могла и заклятием по лбу приложить, и Мечом-Кладенцом в довесок отоварить. Так что и бесы, и садовые кикиморы, и прочие духи лесные да водные знали: нашей ведьме палец в рот не клади

– откусит! Не в прямом смысле, конечно. И все-таки кто-то осмелился поозорничать прямо у нее под носом...

Тайка скатала потрепанный коврик и начертила мелом на полу круг, по его четырем сторонам разложила колдовские травки и нарисовала нужные символы. Пушок с интересом наблюдал за ее действиями.

– И что, эта штука нас спрячет?

– Надеюсь. Любой нечисти покажется, что комната пустая. Мы увидим гостя, а он нас – нет.

Она устроилась прямо на дощатом полу, подтянув колени к подбородку. Чтобы скрасить ожидание, захватила вазочку с сушками и чашку какао, а еще принесла хлеб, масло и солонку. Пушок хотел было включить телевизор, но Тайка не позволила – тот, кто запутал нитки, мог услышать незнакомые голоса и затаиться надолго.

Ожидание затянулось, какао остыло, потом и вовсе закончилось, а все сушки слопал прожорливый коловерша, оставив Тайке одни крошки, и масло под шумок слизал. Спасибо хоть хлеб с солью оставил.

Она сама не заметила, как задремала, и очнулась, только когда Пушок яростно защекотал усами ее ухо:

– Смотри, смотри, смотри! Вот он, этот коварный тип бесячьей наружности!

Тайка потерла глаза руками, проморгалась и ахнула: среди ее клубков копошилось пушистое... нечто. Существо было некрупное – размером с крысу, – черно-серое, пушистое,

с курносой почти детской мордочкой, усами и козлиной бородкой. Пальцы на лапках заканчивались острыми коготками, а подвижный хвост венчала игривая белоснежная кисточка. На лысой как коленка голове виднелись маленькие – с полпальца – рожки.

– Вроде не бесенок... – выдохнула Тайка. – Те ростом побольше будут. И у них еще нос пятачком.

– Довольно близкий родич. – Пушок презрительно фыркнул. – Это анчутка – мелкий зловредный дух. Раньше они тут сотнями водились: и в полях, и в лесу, и в огороде. У-у-у, пакостники мелкие! Сколько лет подряд мою вишню объедали! Семеновна их повывела, а без нее, вишь, опять объявились. Почуяли безнаказанность.

– А ты случайно не знаешь, как бабушка их прогоняла?

– Кротовыми отпугивателями и ловушками. – Коловерша распушился и задрал нос. – Вообще они еще соль не любят, но кто ж в здравом уме будет землю в собственном огороде засаливать?

Тайка торжествующе потрясла в воздухе пластмассовой солонкой – как удачно, что именно сегодня ей захотелось бутербродов с соленым маслом на завтрак! У Пушка загорелись глаза:

– Давай, Тая! Насыпь этому наглецу соли на хвост!

– Именно на хвост?

– Да сыпь уже хоть куда-нибудь! Он же тебе все нитки шас изгадит!

Тайка открутила с солонки крышечку, шагнула из круга и обрушила на голову незваному гостю соляной водопад:

– Н-на! Вот тебе!

Анчутка завизжал, вытаращив желтые глаза-плошки, схватил лапками самый большой клубок и вприпрыжку понесся на кухню, где с разбегу плюхнулся прямо в ведро с водой. Пушок от негодования ахнул:

– Эй, это моя водичка! Для супа, а не для бесов! Лови его, Тая! А не то уйдет!

Тайка запустила руки по локоть в ведро, но анчутка, резво подскочив, вывернулся из ее пальцев, гортанно хохотнул – и пустился наутек вместе с клубком, оставляя мокрые потеки по всей кухне.

– За ним! – скомандовал Пушок, расправляя крылья.

– Зачем? Пускай уходит и больше не возвращается.

– Нет уж, давай поглядим, откуда он пришел. Может, их там целое гнездо и всех надо засолить!

Коловерша сорвался с места в полет, и Тайка, подхватив со стола початую пачку соли, рванула следом, даже не переобувшись, а прямо как была – в домашних шлепках.

* * *

Очень скоро ей пришлось пожалеть об этом: вертлявый анчутка бегал быстро, да еще и припустил не абы куда, а прямо к лесу. Если бы не Пушок, Тайка давно отстала бы. Впро-

чем, следы незваного гостя на дороге были четкими, похожими на детские, только без отпечатков пяток – как будто анчутка все это время бежал на цыпочках.

В лесу было сухо – благо обещанный синоптиками дождь еще не собрался, хотя по небу ходили мрачные серые тучи, а утренняя роса давно успела испариться. Желтизны на деревьях уже было намного больше, чем зелени, под ногами шуршали опавшие листья. (М-да, бесшумно подкрасться к гнезду вряд ли получится.) В воздухе пахло самой настоящей осенью, что было совсем не удивительно – в середине-то сентября.

Тайка любила это время года – даже несмотря на то, что осенью начинались занятия в школе и нужно было учить ненавистную алгебру. Ей и сейчас больше всего хотелось остановиться, прислониться спиной к березе и – нет, даже не дышать, а пить этот прозрачный, немного горьковатый сентябрьский воздух. Над ее головой перекликались птицы – будто считали товарок перед тем, как улетать в теплые края. Этот день больше подходил для неспешных прогулок и душевных бесед, чем для беготни.

Стоило признать, что погоня не удалась: левый тапочек все время соскальзывал с ноги и больно натирал мизинец, поэтому Тайка скинула шлепки и пошла босиком по мягкой опавшей листве. Охотничий клетот Пушка стих где-то вдали, но она была почти уверена, что он вернется ни с чем. У коловешки, конечно, зоркий глаз и острый нюх, но мышей

ловить – это одно, а анчутку – совсем другое. Маленький дух нырнет в листья, зароется в землю – и поминай как звали. У них, небось, в лесу целая сеть подземных ходов. Так она себя успокаивала, но на самом деле ей просто не хотелось гоняться за всякой мелочью, да вдобавок пачка соли неудобно оттягивала карман.

Остановившись, Тайка наклонилась, чтобы подобрать несколько особенно красивых кленовых листьев, а когда выпрямилась, увидела неподалеку седую старушку в голубом болоньевом пальто и сером платке в цветочек. Та стояла на лесной дороге, сжимая в руках корзинку с боровиками, и неуверенно озиралась по сторонам, а заведя Тайку, сразу бросилась к ней.

– Ой, деточка, что ж это деется?! Водит лес проклятуший. Заблудилась я. Подскажи, как тут к деревне выйти?

– А вам к которой надо, бабуль? К Дивнозёрю или к Ольховке?

Бабка на мгновение задумалась, а потом скривила губы так, будто сейчас заплачет:

– Нет, дочк, мне в Михайловку.

– Ой, далековато. – Тайка огляделась по сторонам: Пушка нигде не было, и она решительно тряхнула головой. – Ладно, бабуль, выведу я вас к роднику, а там дальше от мостика вы уже сами дорогу найдете, не заблудитесь. Только это часа три идти, не меньше.

– Ты, главное, выведи, хорошая моя, – беззубо улыбнулась

бабка. – А я тебе грибочков отсыплю, хошь?

– Не надо, вам и самой мало, – отмахнулась Тайка. Бабкин улов и впрямь выглядел небогато.

Они зашагали рядышком по тропинке. Старушка оказалась на удивление проворной, и Тайка едва за ней поспевала – особенно без обуви-то.

– А ты чего одна по лесу гуляешь, дочк? Да еще и босиком. Смотри, простудишься.

– Я закаленная, – улыбнулась Тайка. – Просто ноги натерла. Не думала, что надолго из дома ухожу.

– И все равно пошла меня провожать?! Ну-ну, не зря, стало быть, люди говорят, что ведьма в Дивнозёрье добрая да отзывчивая.

– А вы что, меня знаете? – Тайка остановилась. Сердце ёкнуло – а ну как непростая это бабка?

– Да кто ж тебя не знает, Таюшка! – усмехнулась та. – Вся нечисть местная только о тебе и гутарит: одни с восхищением, а иные и со страхом. Вот я и пришла на тебя взглянуть, хоть ты и насыпала соли на хвост моему посланничку.

– Так это ваш анчутка был? – Тайка на всякий случай опустила руку в карман и зачерпнула пригоршню соли. Мало ли! Лесные бабки бывают разные, и не все из них добрые.

– Ты, дочк, не серчай – они мелкие, шебутные, но ведьмам зла не делают. Иного человека могут и заморочить, а тебя – нет.

– А вы вообще кто? Тоже ведьма? – Тайка решила, что с

места не сдвинется, пока не получит ответа на свой вопрос. — И для чего подослали ко мне этих мелких пакостников?

Про ведьму — это она так, не подумав, ляпнула: наверняка эта бабка вообще не человек и анчутки не просто так ей подчиняются.

Старуха, словно подслушав ее мысли, рассмеялась:

— Дык пряжа мне надобна. А ты все не шлешь и не шлешь дары. Пришлось самой справляться.

— Какие еще дары?

Признаться, Тайка ничегошеньки не понимала.

Тем временем бабка хлопнула в ладоши — раз! — и они оказались у того самого родника, до которого было еще идти и идти. Вода весело журчала, огибая корни могучего дуба, росшего прямо в центре заповедной полянки. На Тайкины волосы упал желтый листок, она смахнула его и в тот же миг увидела, что под дубом стоит крепко сбитая ткацкая рамка. Та появилась будто бы из ниоткуда.

— Вона, видишь? — Старуха указала рукой. — Покрывало тку. А старшая-то Таисья, бабка твоя, мне каждый год помогала.

Тайка глянула на нее и обомлела: куда подевались бologневый плащ и сиротский платочек?! Перед ней стояла величественная седовласая женщина в осенне-рыжем платье, расшитом желтыми войлочными листьями и алыми ягодами рябины. На ее увенчанной толстыми косами голове красовался рябиновый же венок.

– Но ба ничего мне не рассказывала... – От волнения у Тайки пересохли губы. – Зачем это все?

– Нужно укутать землю, чтобы не вымерзла. Сперва осенним лиственным покрывалом, а затем и зимним – снежным. Когда в начале года день пошел на прибыль, я вычесывала частым гребнем лесных зверей, весной пряла пряжу, летом – красила нити горькими травами, а теперь вот настала пора ткать.

– Вы что... Матушка Осень? – вдруг осенило Тайку.

– Не совсем. Но можно сказать и так. – Ее собеседница кокетливо поправила рябиновую гроздь за ухом. – Завтра пришло к тебе своих слуг, новая ведьма, – ты уж будь добра, подсоби мне с пряжей, а то не хватит ниток – что тогда? Померзнут садовые деревья, не взойдут озимые...

– Л-ладно... – Тайка заворуженно глядела на удивительной красоты узор на осеннем покрывале. Тот играл в лучах солнца, переливаясь всеми оттенками золота.

– А еще впусти меня в свой сон сегодня. – Лесная ведунья прищурила глаза цвета липового меда. – Анчутки-озорники спутали и мои нити тоже. А я стара стала, зрение уж не то, что прежде. Поможешь мне их распутать?

Тайка кивнула.

– Только смотри, ни одной ниточки не обрежь. – Матушка Осень погрозила ей пальцем. – Ведь все это нити чьей-то судьбы. Оборвется – и умрет человек.

– Зачем же вы тогда позволяете анчуткам их путать? –

Тайкиному возмущению не было предела. – А ну как они угробят кого-нибудь?!

– Ой, да им силенок не хватит! – Ведунья потрепала Тайку по щеке, и от этого прикосновения на душе вдруг стало тепло и радостно. – Зато они могут случайно сводить людские судьбы. Сплетутся нити – двое встретятся да и пойдут дальше рядышком. Они так и твою судьбу однажды заплели, ведьма. Вот увидишь, вернешься домой, а там тебя гость ожидает – незванный, да желанный.

– И кто же это? – беспечно поинтересовалась Тайка, но сердце все равно пропустило удар: уж если каких гостей она и ждала, так только тех, что из Дивьего царства. Может, бабушке удалось найти способ увидеться? Вот было бы здорово!

– Сама скоро узнаешь. А мне пора за работу – осень сама не соткется. Не забудь – ночью распутай мои нитки.

– А людям от этого плохо не будет? – насторожилась Тайка.

Ведунья пожала плечами:

– Чьи-то судьбы соединяются, а чьим-то суждено разойтись. Но ты не бойся: для всякой вещи на земле есть свое время, а вслед за разлуками будут новые встречи.

Она снова хлопнула в ладоши, и Тайка, моргнув, оказалась прямо возле собственной калитки, прижимая к груди мокрые тапочки. Эх, сколько вопросов она не успела задать!

– Тая! Где тебя носило?! – напустился на нее взволнованный Пушок, похоже, уже давно сидевший на заборе и высматривавший хозяйку. – Я уж думал, случилось чего! Весь лес на уши поднял, лешего всполошил. А ты вона – у самого дома околачиваешься.

– А где анчутка? Не догнал?

Тайка спросила больше из вежливости, ответ она уже знала.

– Не-а, утек... – разочарованно выдохнул коловерша. – Проворный, гад, – не то что полевки.

– Это даже к лучшему. – Тайка отворила скрипучую калитку. – Ты мне вот что скажи: у нас ведь гости, да?

Пушок захлопал круглыми глазищами:

– Откуда знаешь?! Эх, а я-то думал, сюрприз будет. Ну во-о-от!

Но сюрприз все-таки случился. Потому что Тайка никак не ожидала, что на крыльце собственного дома ее встретит не кто-нибудь, а Яромир и две его любимые собаки: овчарка Джульетта и белоснежный симаргл по имени Вьюжка. Надо же, кто явился – не запылится! А ведь совсем недавно они чуть ли не навек попрощались. Вот и не верь после этого в судьбу!

Глава вторая.

Нежданная весточка

– То есть как это – царь тебя выгнал? – Тайка не верила своим ушам. – За что?

– Будто сама не знаешь. За Лютогора, конечно. – Яромир недовольно дернул плечом. – Ну, и не то чтобы совсем выгнал. Скорее, сослал. Как Мокшу. Глядишь, пройдет время, и Радосвет сменит гнев на милость. А я пока, стало быть, тут побуду. У Марьяны поживу, если разрешит.

Тайка нахмурилась. Ей показалось, что дивий воин чего-то недоговаривает. Слишком уж беспечно тот отзывался о своей ссылке – так, будто его на приятную прогулку отправили или в отпуск. Храбрится, наверное? Хочет не ударить в грязь лицом, когда самому тошно? А что, этот вполне может!

– Я поговорю с бабушкой. – Она невольно сжала кулаки. – Потому что нехорошо так поступать. Вообще я была о царе лучшего мнения, а он вон какой мстительный оказался.

– Нет, ну согласишься, у него был повод разгневаться. – Вот чего Тайка никак не ожидала, так это того, что Яромир станет вступаться за Радосвета. – Он, хоть и друг мне, побратим даже – а все же царь. Супостата я упустил, живую воду проворонил и Радмилу не заподозрил, хотя ты меня предупреждала, что она что-то мутит за моей спиной.

– Она твоя сестра. Это нормально, что ты ей верил.

Тайке стало еще обиднее: по ее мнению, царю следовало поддержать товарища, а не добавлять тому трудностей. Тем более она слыхала от бабки, что у Радосвета тоже были нелады с его собственной сестрицей Ясинкой...

– Ты, главное, не вини себя!

Она придвинула к Яромиру вазочку с конфетами, и тот жадно накинулся на сладкое. Пусть хоть какая-то радость ему будет – в Дивьем царстве шоколад почитался за деликатес, даже считался целебным.

– За меня не волнуйся. – Дивий воин смял в руках сразу два фантика и запихал конфеты за обе щеки – ну чисто как Пушок. – Будем считать, что это такая увольнительная. Отдохну, порыбачу...

Ага, сам улыбается, а глаза грустные-грустные. Не зря Джулька в его руку мокрым носом тычется: уж собаки печаль хозяина завсегда чуют.

Тайка вздохнула, но спорить не стала. А в ее душе уже разгоралась огнем жажда справедливости – нет, будь что будет, но она этого просто так не оставит!

Яромир, конечно, не отказался от приглашения на обед, а потом остался еще и на ужин. Выгонять его из дома на ночь глядя Тайка не стала, махнула рукой: ладно, пускай переночует в бабушкиной комнате (все равно та уже который месяц пустует), а с утра пораньше тащит свои пожитки в заброшенный дом. К тому же пожитков у дивьего воина всего ничего

– одна маленькая скатка да меч. Предложить Яромиру здесь и поселиться она не решилась. Неловко как-то...

Они заболтались до самой ночи – многое нужно было обсудить, а сколько всего рассказать! Уже глубоко за полночь Тайка вдруг вспомнила, что обещала помочь Матушке Осени, и не без сожалений отправилась спать, пожелав всем доброй ночи, а Никифор с Пушком и Яромиром остались чаевничать без нее.

* * *

Сложнее всего оказалось заснуть – с террасы то и дело доносились шепотки и взрывы смеха. (Что это они там так веселятся? Небось, байки травят?) Тайку терзала зависть, а упрямый сон не шел даже после целой кружки успокаивающего чая с ромашкой и мятой. Она проворочалась еще не меньше часа, прежде чем наконец-то смогла задремать...

И, разумеется, первым же делом услышала в свой адрес мягкий упрек:

– Я уж думала, ты не придешь.

Седовласая ведунья, казалось, возникла из ниоткуда прямо у нее за спиной.

Тайка вздрогнула от неожиданности и обернулась:

– Простите, я случайно... Не уследила за временем.

– Ох уж эти смертные! – хохотнула Матушка Осень. – И как вам только удастся тратить время зря, когда в вашем рас-

поряжении его и без того мало? А впрочем, это ваше дело. Глянь, вот мои владения!

Она развела руки в стороны, и Тайкин взор вдруг прояснился. Она увидела одетый в золото и багрянец лес, укутанный розовой предзакатной дымкой. Между стволами деревьев то тут, то там тянулись разноцветные шерстяные нити всех цветов радуги. Одни были толстые и длинные, другие покороче и потоньше – и среди всего этого великолепия не было двух одинаковых ниток. Казалось, будто какие-то безумные пауки оплели весь лес своей разноцветной паутиной. Кое-где ветки загнулись так, что стали похожи на гигантские ловушки для снов – наверное, не только из-за плетения, но и из-за множества ярких перьев, камушков, бусинок, а еще серебряных колокольчиков, которые издавали тихий мелодичный звон.

– Какая красота! – восхищенно выдохнула Тайка. – А где мы? Это волшебная страна?

– Граница, – улыбнулась Осень. – Ни там, ни тут.

– О, я уже бывала однажды на Границе. Знаешь, где течет Путь-ручей? А это та же или какая-то другая?

– Все Границы похожи – отсюда легко можно выйти на Дорогу Снов и попасть в Явь, Дивь, Навь, если знать пути. Но в Сонном царстве ты вроде уже тоже побывала? В одной из частей.

– Ой, да! – закивала Тайка, вспомнив свою встречу с Василисой. – Просто я не думала, что оно тоже на Границе на-

ходится. И там не было никакой дороги...

– Ну а где же ему еще быть? – Осень перекинула за спину тяжелые седые косы, и только теперь Тайка разглядела в них озорные рыжие прядки, похожие на язычки пламени. – Дороги ты еще научишься видеть. А пока взгляни: вот твое задание. Эти нити надлежит распутать, слишком уж сильно они заплелись.

М-да, «заплелись» – это еще мягко сказано! Даже проводки в старом бабушкином радиоприемнике, который постоянно чинил дед Федор, и то содержались в большом порядке! Тут придется изрядно попотеть.

– Я тебя оставляю. – В руках ведуньи появился пучок соломы, из которой та в два счета смастерила птичку-невеличку, похожую на ласточку. Щелчок пальцами – и ожившая пичужка, перелетев к Тайке на плечо, осторожно клюнула ее сережку-колечко. – Это моя помощница, – прищурилась Осень. Морщинки от ее глаз разбегались, будто солнечные лучики.

– Ласточка?

– Нет, весточка. Так ее зовут. Если будет что-то непонятно, она даст добрый совет. Ну, бывай, ведьма!

Девушка моргнуть не успела, как ведунья уже пропала с глаз долой, а соломенная пичужка браво зачирикала:

– За работу! За работу!

– Ишь, раскомандовалась! – фыркнула Тайка, но перечить не стала. В конце концов, за этим она сюда и пришла.

Нити сперва не слушались: шипели, словно змейки, так и норовя выскользнуть из пальцев. Но вскоре дело пошло на лад. Пару часов спустя Тайка обнаружила, что, если взять нитку особым образом, можно увидеть того, кому она принадлежит.

Матушка Осень оказалась права: не всякая разлука была горька. Чужие, незнакомые люди нежно обнимали друг друга перед расставанием, обещали писать и помнить, прощались не навсегда, а до новых встреч. Кто-то уходил насовсем, оставляя прошлую жизнь позади, – навстречу лучшей судьбе. Случались, конечно, и слезы, и упреки, и даже настоящее горе. Тогда девушка сама закусывала губы, чтобы не расплакаться, но даже в эти минуты она понимала: все, что ни делается, – к лучшему. Если бы не было разлук, люди не радовались бы так искренне новым встречам. И хоть ей самой было невыносимо горько после ухода бабушки – не случись этого тогда, Тайка не стала бы такой, как сейчас. Всего за полгода она изрядно повзрослела, научилась принимать решения и брать на себя ответственность, стала заботиться о других – так что все было правильно.

– Эй, птичка-восточка, а ты не знаешь, где тут моя нить?

Ну а что? Кто на ее месте устоял бы от искушения взглянуть на собственную судьбу?

– Вообще-то я не должна тебе показывать... – с сомнением чирикнула пичужка. – Не стоит человеку знать свою судьбу наперед.

– Это еще почему? – захлопала глазами Тайка.

– Потому что все течет, все меняется. А тот, кто будет спотыкаться на каждой развилке, далеко не уйдет. – В голосе птички-весточки проскользнула насмешка. – Везде, где суждено упасть, соломки не подстелишь. Живи уж как живется, ведьма. Не гневи судьбу.

– Да я не за этим. Мне просто любопытно, – смутилась девушка.

– Никто из смертных, взявших в руки свою нить, не удерживался от искушения. – Птичка совсем по-человечьи покачала головой. – Каждый хоть что-нибудь да менял. Не в прошлом, так в будущем. Вот, положи руку на сердце, ведьма: неужели ты ни о чем не жалеешь?

Конечно, Тайка жалела о многом. У каждого в жизни случались ошибки, которые хотелось бы исправить. Но на них люди учатся. А промахов не допускает только тот, кто ничего не делает.

Она мотнула головой, уверенная, что справится с искушением. Птичка перепорхнула с ее плеча на одну из красных нитей, натянутую между двумя стволами березок, и зацепилась за нее коготочками, балансируя.

– Ну, тогда смотри, коли такая смелая.

Тайка потянулась к нитке – и в тот же миг отдернула руку. Вдруг стало боязно. Шутка ли: вся ее судьба проходила перед глазами – такая прямая, осязаемая. А к ней, будто цветы к солнышку, тянулись другие нити-судьбы. Рыжая и кос-

матая мохеровая – это наверняка Пушок. А серая, как волчья шерсть, видимо, Никифор – вон как, с самого детства переплелись (домовой, говорят, любил ее в люльке качать). Бабушкина темно-синяя (ее любимый цвет, кстати) крепко скручивалась с Тайкиной ниткой в начале, но потом отходила все дальше и дальше, соединяясь с другой – изумрудной с золотинкой. Следить за переплетениями было безумно интересно. Ох, сколько еще встреч и разлук ей предстоит пережить на своем веку! Интересно, а которая из нитей принадлежит Яромиру? Да и нитка Лиса тут, наверное, тоже есть? Хорошо бы отыскать ее, чтобы понять: надо ли в ближайшее время опасаться появления Кощеева сына?

От размышлений ее отвлек звонкий птичий голосок:

– Чего уставилась, ведьма? Никак работу уже закончила?

– Вообще-то да. – Тайка кивнула на распутанные нитки, чьи кончики рядком лежали на пожелтевшей осенней траве. – Передай своей хозяйке: дело сделано.

– Добро! – Пташка перелетела на ветку и почистила соломенный клюв о кору. – Стало быть, награда тебе причитается.

– Но мне ничего не надо. Я от чистого сердца помочь хотела.

– Не спорь, а сперва выслушай. – Птичка издала странный звук: то ли всхлип, то ли смешок. – Меня не зря весточкой кличут: я могу передать от тебя послание кому угодно и куда угодно. Хочешь – в Явь, хочешь – в Навь или даже в мир

мертвых.

– Вот это да! – Тайка раскрыла рот от удивления. – А в Дивье царство можешь?

Птичка моргнула глазами-бусинками. Должно быть, это означало «да».

– Тогда лети, крылатая, в Дивью столицу к царице Таисье и скажи ей, что я люблю ее очень-очень. И что мне поговорить с ней надобно. Пусть она починит зеркало и приснится мне как можно скорее.

– Будет сделано.

Расправив соломенные крылья, весточка взмыла в небо и вскоре затерялась среди осенней листвы в сплетениях ветвей.

Тут бы Тайке и проснуться, но что-то удержало ее на Границе – словно какое-то дело осталось несделанным. Она вдруг заметила, что рядом с ее судьбой кружит, не приближаясь, еще одна нитка – тоненькая, васильковая. И чем дальше тянется – тем тоньше становится: вот уже почти с волосок, потом с паутинку, а потом – оп-па – и обрывается. Ведьма сама не понимала, отчего вдруг так больно заныло сердце – она ведь даже не знала, чья это ниточка. Но руки уже сами потянулись все исправить. Она привязала свободный кончик васильковой нити к своей и покрепче затянула узелок. Вот, так-то будет лучше!

Миг – и весь нитяной узор стал меняться на глазах. Налетевший ветер взметнул Тайкины волосы, обсыпал ее су-

хими листьями. Над головой громко раскаркались вороны, а в сплетении нитей тревожно зазвенели колокольчики, но вскоре все стихло, и только знакомый шепот Матушки Осени прозвучал будто внутри головы:

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, ведьма!

Ох, хотела бы Тайка и в самом деле знать это! Но, к слову, своего она добилась: васильковая ниточка окрепла и потянулась с места обрыва дальше, пока совсем не затерялась в листе. Чья же она все-таки?

Девушка коснулась ее пальцем, моргнула – и осенний лес пропал. Она вдруг оказалась у излучины Жуть-реки. Вроде знакомый изгиб: та же осока, россыпь перловиц и мелких камешков, вот только берега почему-то показались непривычно заросшими. Тайка озиралась по сторонам и находила все больше отличий. Например, кривой черемухи у излучины не было вовсе, а на месте старого дуба, чей ствол несколько лет назад раскололо молнией, торчал из земли маленький дубок всего в руку толщиной.

С той стороны реки на высоком берегу, свесив с обрыва грязные босые ноги, сидела девушка в белой рубаше и широком голубом сарафане. Ее черты показались Тайке знакомыми. Они явно уже встречались. Но где? Когда?

Она закатала джинсы и, войдя в воду по колено, замахала руками, чтобы привлечь внимание:

– Эй ты! На том берегу! Слышишь меня?

Девушка встрепенулась, вскочила на ноги и приложила ла-

донь ко лбу, закрываясь от солнца.

– Тайка, ты? Стой! Не вздумай плыть сюда. Оставайся на своем берегу!

Хм... И голос тоже был знакомым...

Кажется, девушка в сарафане заметила ее замешательство и замахала ей рукой:

– Не помнишь меня? Я – Василиса. Та, что и прекрасная, и премудрая, два в одном.

Брови Тайки взметнулись вверх:

– Э-э-э... Прежде ты выглядела иначе!

Лицом эта Василиса действительно была похожа на ту, которую Тайка встретила однажды в Сонном царстве, когда Лис-Лютотор усыпил ее своим заклинанием. Этих девиц можно было бы принять за сестер, но никак не за одну и ту же. Обычно люди с возрастом не меняются так сильно, чтобы из невзрачной серой мышки превратиться в писаную красавицу. Если, конечно, в ход не идут колдовские чары...

– Такой я была прежде, – неохотно пояснила Василиса. – До того как стать Кошечевой невестой. Но это не важно. Послушай меня: ты обязательно должна встретиться с Лисом...

– Еще чего! – фыркнула Тайка. Возле ее ноги проплыла темная рыбина, мазнув скользкой чешуей по коже. Бр-р! По спине пробежали мурашки, а вода вдруг стала очень холодной. – Не хочу его видеть. Он мой враг!

Василиса всплеснула руками:

– Ох, божечки! Сейчас же вылезай из воды! Живо!

Не думая, Тайка одним прыжком оказалась на берегу и, с размаху шлепнувшись прямо на острые камешки, потеряла ушибленный копчик. Мышцы ног запоздало свело судорогой, и она, сжав зубы, чтобы не заорать, принялась разминать икры.

А Василиса все кричала с того берега:

– Он поклялся, что не причинит тебе вреда, если вы встретитесь во сне! Я за него ручаюсь. Он мой сын!

– Ага! Так ты *та самая* Василиса? Кощеева невеста?

Тайка, конечно, и сама уже догадывалась, с кем имеет дело. Но одно дело строить предположения, а другое – увериться на все сто. Ишь ты, лисья мать!

Налетевший порыв ветра сносил слова вниз по реке, будто пытался помешать Василисе передать весточку.

– Прошу тебя, просто выслушай его! А потом сама решишь, что делать дальше. Вспомни, я помогла тебе выбраться из Сонного царства! Неужели ты не веришь мне?

– Ага, только засунул меня в это Сонное царство как раз твой любимый сынок. – Тайка скрипнула зубами. – Тебе-то я, может, верю, а вот ему... Может, ты и помнишь его другим, но, как у нас говорят, он сильно изменился за лето.

– Помоги нам, Тайка!

Василиса кричала что-то еще, но ветер усилился, и вскоре ее слов стало совсем не слышно. Тогда она просто сложила руки на груди в молитвенном жесте.

Над головой сверкнула молния, раздался оглушительный

раскат грома, а Браслет-Кладенец на Тайкином запястье вдруг стал обжигающе горячим. Она вскрикнула от боли... и проснулась.

За окном занимался бледный рассвет, громкоголосые птицы пересвистывались в кустах, росших за окном. В доме, похоже, все спали – с террасы не доносилось ни звука, ни шороха. И только отчаянный крик Василисы до сих пор стоял в ушах: «Помоги нам, Тайка!»

Глава третья.

Светлые Осенины

– Ты, Тай, что-то сама не своя нынче.

Пушок так мурчал и ластился к ее руке, что девушка невольно начала подозревать рыжего негодяя в корысти. Наверняка он пришел не просто так поболтать, а вознамерился вылизать кастрюльку, когда Тайка закончит взбивать яйца с сахаром для праздничного пирога.

Но она ошиблась: коловерша не стал ей льстить, выпрашивая лакомство, а, наоборот, разворчался:

– Ты в зеркало вообще смотрелась? Синяки у тебя под глазами, ух, здоровенные! Может быть, отдохнешь немного, а? А то сегодня всю ночь гулять будем...

– Ну спасибо, дорогой, порадовал! – фыркнула Тайка, ловко орудуя венчиком. – Тебе бы только гулять!

– Вообще-то я за тебя волнуюсь. – Коловерша надул щеки. – Спать вчера ушла раньше всех, а выглядишь, как будто всю ночь в полях пахала вместо лошади. И взгляд опускаешь, будто бы скрываешь что-то. Эй, ты полотенцем на меня не маши, я давно с тобой знаком, все вижу. Что стряслось? Уж со мной-то ты можешь поделиться?

– Ладно, только никому ни слова!

Тайка сделала страшные глаза, и Пушок торжественно за-

кивал:

– Ты же меня знаешь! Я – могила!

Вообще-то коловерша был тот еще болтун, но копить тревогу в себе ведьма уже никак не могла и выложила все как на духу: и про Сонное царство, и про нити судьбы, и даже про просьбу Василисы.

– Ох ты ж, елки-метелки! – только и сумел вымолвить Пушок, дослушав рассказ. – Дело-то серьезное. Это, деточка, не просто сны.

– Оно и ежу понятно. – Тайка смахнула с края кастрюли пенную каплю и облизала палец. – Делать-то мне что? Может, и правда стоит повидаться с Лисом?

– С ума сошла?! – вскинулся коловерша. – Он соврет – недорого возьмет. Может, эта твоя Василиса сама по себе и ничего, но Лютогору верить нельзя. Что, если он и ее обманул, а сам только и ждет, когда ты к нему в лапы пожуешь? Р-раз – и сцапает тебя, а нам потом бегать выручать! Нет, я против! Ка-те-го-ри-чес-ки! Ну сама посуди, если бы Никифор или Яромир об этом узнали, что бы они сказали?

Тайка встряхнула головой:

– Да, ты, пожалуй, прав! Никто из них не стал бы доверять Лису. Но я уверена, что Василиса не лжет... Она хорошая.

– Знавал я прежде одну Василису... – мечтательно протянул коловерша, закатывая глаза. – Пенками от варенья меня кормила. Кстати, это она меня в лесу подобрала, когда я впервые из вязового дупла выпорхнул и в Дивнозёрье ока-

зался. Еще малой совсем был, желторотый... И Пушкин тоже она меня нарекла. Хорошая была девица, бойкая, синеглазая. А пела – заслушаешься. Колдовству училась у местной ведьмы, да жаль, не доучилась. Замуж ее отдали супротив воли.

– Хм... Не за Кощея ли?

Тайка это просто так сказала, не подумав, – просто слова на язык прыгнули. Но коловерща вдруг вытаращилась на нее своими глазами-плошками:

– А ты откуда знаешь?!

– Так. Погоди. Неужели это одна и та же Василиса? – Девушку аж в пот бросило. – У нее еще вот тут родинка на губе, да?

– Она самая. Ох, так что же, это моя Васёнка-сестренка, полевой цветочек, и есть Лютогорова матушка?! – ахнул Пушкин. – Ну, дела! – Перья на его загривке встопорщились, шерсть встала дыбом – он явно был очень взволнован. – Не понимаю, как у такой милой девушки родился этот скользкий хмырь!

– А ты вспомни, кто его папаша. – Тайка поставила кастрюльку на маленький огонь и принялась помешивать ложечкой. – Видать, в отца пошел.

– Твоя правда. Но песнями колдовскими он точно в мать. Ох, Василисушка и сладкоголосая была! Вроде на вид невзрачная серая мышка, а как запоем, так сразу смотришь – красавица писаная!

– Слушай, а если она ученицей ведьмы была, отчего же не сбежала, когда Кощей к ней посватался? Почему наставница ее не спрятала? – Тайка отложила ложку и вытерла руки о фартук.

Варево в кастрюльке уже начинало густеть, но Пушок, похоже, потерял к сладкому всякий интерес, – а уж такое с ним случалось крайне редко.

– Василиса не велела ее спасать... – вздохнул коловерша. – Сама вызвалась. Иначе Кощей забрал бы в Навь ее младшую сестренку Даринку. Только жертва эта оказалась напрасной – супостат бессмертный, насколько я помню, их обеих уволок под шумок. А третья сестра – та, что самая старшая, – напросилась к ведьме в ученицы вместо Василисы. Златкой ее звали. От нее, между прочим, весь ваш род и пошел.

– В смысле?! – ахнула Тайка. – Так мы что, выходит, с Василисой родственницы?

Пушок задумался, считая, но сбился и раздраженно фыркнул:

– Седьмая вода на киселе! Короче, она твоя пра-пра-и-еще-сколько-то-пра-бабка. Двоюродная, или как там это называется? Короче, по линии сестры.

И тут Тайкина мысль пошла еще дальше:

– Погоди, значит, и Лис мне родней приходится? Вот это поворот!

– Дальней-дальней. Я бы на твоём месте на это внимания

не обращал. — Коловерша запустил когти в деревянную столешницу. — Подумаешь, пара капель общей крови! Ты смотри, только Яромиру об этом не сболтни. Ему это о-о-очень не понравится!

— Эй, что это мне не понравится?

Как раз в этот момент Яромир вышел из бабушкиной комнаты, потягиваясь и зевая. Тайка усмехнулась, глянув на его растрепанные лохмы: м-да, может, дивьи люди и владеют тайной магией, но явно не такой, как эльфы из кино. У тех хоть ветер, хоть град — а на голове порядок: волосок к волоску лежит. Не то что у некоторых!

Яромир, заметив, что она усмехается, пригладил светлые пряди широкой пятерней и выжидающе воззрился на Пушка:

— Ну? Так о чем мне знать не надо?

— О том, что наша ведьма-хранительница всю ночь не спала, — противным голосом наябедничал коловерша. — А ей, между прочим, сегодня еще деревню кругом обходить, заклинять от нечистой силы. И потом до рассвета на Осенинах гулять. Совсем себя не жалеет, балда!

Тайке очень захотелось его стукнуть, но в следующий миг она поняла, что Пушок вообще-то только что спас ситуацию: ей не придется выкручиваться или рассказывать Яромиру правду про нежелательное родство. Она делано надула губы и смахнула тряпкой со стола остатки муки.

— Ну чего пристали? Я справлюсь. Подумаешь, не выпас-

лась. Как будто в первый раз!

– Погоди, есть у меня одно верное средство. – Дивий воин покопался в своей поясной сумке и достал кожаную флягу. – Вот, испей. Только один глоток, не больше. Увидишь: всю усталость как рукой снимет.

Тайка не без усилий вытащила пробку (ух, и крепко та за-села!) и принялась. От фляжки пахло незнакомыми травами, но аромат был приятным. Манящим даже. А, была не была!

Она сделала мощный глоток. Все нутро сперва будто огнем ожгло, она аж закашлялась. А потом по телу вдруг растеклось блаженное тепло, и девушка заулыбалась. Ого! Вот это настоящее чудодейственное зелье!

Она открыла рот, чтобы поблагодарить Яромира, но тут из-за печки высунулся сонный Никифор и, увидев фляжку в ее руках, налетел на дивьего воина, словно коршун на мышь:

– Ты что это удумал, дуралей?! Кто тебе право дал ребенка спаивать?! Мала она еще, чтобы вашу дивью бражку хлестать! Напьется допьяна, и что мне с ней делать прикажешь? Да мне ее бабка башку оторвет и скажет, что так и было! И тебе тоже, когда в Дивье царство вернешься! Так что все, сидеть тебе теперь тут веки вечные, коли не хочешь головы лишиться!

Ведьма, не удержавшись, хихикнула. Домовой в гневе бешено вращал глазами, потрясал кулаками и выглядел очень забавно. Неудивительно, что Яромир его ничуть не испугал-

ся, однако все-таки отступил, забрал фляжку у Тайки из рук и принялся оправдываться, как нашкодивший школьник:

– Ну, не сердчай, дядька Никифор! Это ж совсем чуть-чуть было. Для бодрости духа, так сказать. От одного глотка еще никому плохо не становилось.

– Щас я покажу тебе бодрость духа, охальник! – Домовой шипел, как кот, брызгая слюной. – Шел к своей вытьянке и Сеньке-алкашу? Вот и проваливай! Нечего мне тут Таюш-ку-хозяюшку дурному учить.

Унять разбушевавшегося Никифора не удалось ни Пушки, ни даже Тайке, и Яромир счел за лучшее ретироваться. Подхватил свою скатку, вдел ноги в сапоги и махнул рукой:

– Вечером на празднике увидимся. Бывай, дивья царевна. И уйми, пожалуйста, этого забияку! Не понимаю, какая муха его укусила!

Когда дивий воин ушел, Тайке отчего-то стало очень грустно – она и сама не знала почему. Наверное, ей все-таки хотелось, чтобы Яромир остался и рассказал еще немного о Дивьем царстве?..

Но вместо того, чтобы слушать новости из чудесного края, пришлось умасливать разворчавшегося домового пирогами да пельменями, чтобы тот сменил гнев на милость.

* * *

Осенины – сентябрьский праздник, когда день равняется

с ночью, — Тайка очень любила и всегда отмечала — еще вместе с бабушкой. Ей нравилось смотреть, как природа замирает в зыбком равновесии, и на душе сразу становилось светло и спокойно. Бабушка любила повторять, что именно в этот день, а вовсе не первого сентября, в мир приходит настоящая осень.

На каждые Осенины они вдвоем обходили родную деревню кругом посолонь, чтобы защитить Дивнозёрье на всю грядущую зиму от зловредной нечисти, которая просыпалась в холодное время, когда летняя, наоборот, впадала в спячку.

Бабушка рассказывала, что в стародавние времена женщины, бывало, впрягались в плуг вместо лошадей и на своих двоих опахивали всю деревню. В нынешние же дни, по ее мнению, злая нечисть измельчала да повывелась, поэтому стало хватать обрядовых обережных песен и смеси из пяти видов зерен, которую нужно высыпать перед собой на дорогу. Зерна клюют птицы, и, по поверью, их благодарность за щедрое угощение достигает ушей самой Матушки Осени.

Сегодня Тайке впервые предстояло провести осенний ритуал без бабушки, и ей совсем не хотелось идти одной, поэтому она позвала с собой Аленку. Та, конечно, охотно согласилась.

Многие в Дивнозёрье удивлялись их крепкой дружбе — все-таки восемь лет разницы не способствуют взаимопониманию, особенно в столь юном возрасте. Но Аленка была из тех детей, которых называют «маленькими взрослыми», —

смышленная и серьезная не по годам. Порой даже Тайка ощущала себя сущим ребенком рядом с ней.

Приглашению подруга, конечно же, обрадовалась – с тех пор как она узнала, что нечисть и в самом деле существует, ее неизменно манило все таинственное и волшебное. Но вместо того, чтобы запрыгать от счастья и захлопать в ладоши, как, несомненно, сделали бы большинство девочек ее возраста, Аленка, тряхнув светлыми косицами, уточнила:

– Снежка, я так понимаю, лучше оставить дома?

– Ага, а то он, по обыкновению, начнет птиц гонять, а ведь те должны склевать наши зерна.

Тайка знала, что подруге это не понравится: та везде ходила со своим волшебным псом-симарглом, а с некоторых пор даже таскала его в школу (Снежок, к счастью, умел становиться невидимым). Но в осеннем обряде тот был явно лишним.

Она думала, что Аленка начнет упрашивать и ручаться за хорошее поведение своего лохматого друга, но та на удивление легко согласилась:

– Ладно. А что тогда с собой брать? И, наверное, надо записать на бумажку слова песни? Я зазубрить не успею.

– У меня все с собой. – Тайка похлопала ладонью по набитой сумке. – Вот тебе тоже пакет с зернами: тут пшеница, рожь, ячмень, овес и просо. А слова просто будешь повторять за мной, они простые, вмиг выучишь.

Аленка взяла пакет и сложила его в школьный рюкзак,

который повесила не на спину, а прямо перед собой, чтобы удобнее было доставать угощение для птиц (Тайка даже пожалела, что сама не догадалась о таком способе), и покрепче затянула шнурки на кроссовках.

– Ну, тогда я готова!

Когда они вышли из дома, солнце уже начинало клониться к закату, небо окрасилось в розовато-золотистые тона, а над многочисленными прудами и озерами повисла туманная дымка.

– Красиво-то как! – выдохнула Аленка, зачерпывая первую горсть зерен. – Да, Тай? Наше Дивнозёрье – самое лучшее место на свете!

– Мы с тобой в других-то местах и не бывали особо, – хмыкнула Тайка. – Только в окрестных деревнях да в райцентре. Ну ладно, еще в город ездили и на экскурсии разные. А ведь есть всякие иные волшебные края...

– Все мечтаешь попасть в Дивье царство?

Когда Аленка улыбалась, на ее щеках появлялись умильные ямочки.

– Угу. Там же бабушка...

– Знаешь, я бы тоже не отказалась навеститься в Волшебную страну. – Чистые голубые глаза подруги посерьезнели. – Но именно что в гости. А жить я хочу в Дивнозёрье. Чую, здесь мое место.

– Наверное, ты права, – кивнула Тайка. – Не зря же говорят: где родился, там и пригодился. Бабушка считала, что

наш род с этими местами крепко-накрепко повязан. Мол, это и великая честь, и большое бремя. Но я пока, признаться, до конца не разобралась, что она имела в виду.

– Ой, Тай, знала бы ты, как я тебе завидую! – Аленка широким жестом сыпанула зерна на дорогу, и с соседних кустов к ней под ноги тут же бросилась стайка бесстрашных воробьев. – Ты такая умная, столько всего знаешь и умеешь.

– Да брось, по сравнению с бабушкой я та еще неумеха. – Тайка всегда смущалась, когда подруга смотрела на нее, не скрывая детского восторга.

– Спасибо, что позволяешь мне быть рядом! – Аленкин голос от волнения дрогнул. – И за колдовскую науку спасибо... Скажи, Тай, а я могла бы, ну... официально стать ученицей ведьмы?

– Это как? – рассмеялась Тайка. – Справку тебе выдать, что ли? С печатью?

Аленка, закусив губу, мотнула головой:

– Нет. Просто... чтобы ты меня не от случая к случаю учила, когда вспомнишь, а дни занятий назначила, домашку задавала. Ты – хранительница, а я хочу быть твоей заместительницей. Я уже не маленькая, в конце концов!

Вот с последним утверждением Тайка была совершенно не согласна. В свои восемь лет она, помнится, бабушке уже всю помогала, но о том, чтобы стать полноценной ведьмой, даже и помыслить не смела.

– Рано еще! – отрезала она.

– Ничего не рано! – крикнула Аленка так, что даже наглые воробьи разлетелись из-под ног. – Я хочу уметь колдовать сама и понимать, что я делаю, а не просто повторять за тобой. Это же не просто так, от нечего делать. Помнишь, я, когда была маленькая, в больнице лежала? Врачи думали, что я умру. Маме уже сказали. Я сама слышала. Потом она плакала, чтобы я не слышала. И я тоже плакала тихонечко. А потом мне приснился сон. Только я тебе его не расскажу, потому что слово дала молчать. Просто... скажем так... я живая осталась ради Дивнозёрья.

– А ты это сейчас не на ходу придумываешь, случайно? – Тайка поджала губы. Ну и пожалуйста, ну и не надо рассказывать ей про чудесный сон. Ей вот нисколько не интересно.

– Ну а вдруг с тобой что-нибудь случится? – Аленка словно сама пожалела, что сболтнула, и решила сменить тактику. – Как я тогда смогу помочь?

– Ничего со мной не случится, глупая. – Тайка потрепала ее по волосам, успокаивая.

– А вдруг ты найдешь способ попасть в Дивье царство? Как мы тут без тебя? – У Аленки дрожали губы, она чуть не плакала. – Я не хочу, чтобы ты уходила.

Пришлось взять ее за плечи и встряхнуть хорошенько:

– Эй, ну чего ты?! Помнишь, я же рассказывала: не можем мы туда попасть. Только раз в полвека возникает дверца. В следующий раз, когда откроется ход, я уже беззубой стару-

хой буду.

– Мне тут еще вчера приснилось, – Аленка, всхлипнув, вдруг заговорила шепотом, – будто бы ты скоро туда отправишься. В день, когда на землю ляжет снег...

– Ох уж эти твои сны. Все на свете ими объясняется. – Тайка пожала плечами, но по спине отчего-то пробежал холодок, и с губ само сорвалось: – Ладно, ладно, я обещаю подумать, чему тебя можно научить. Только не плачь, рева-кова! Хочешь, возьму тебя сегодня на тайный праздник?

Вот тут уже Аленка не удержалась: взвизгнула, запрыгала, завертелась волчком:

– Она еще спрашивает! Конечно, хочу!

* * *

Солнце самым краешком коснулось кромки леса, небо уже вовсю полыхало закатным огнем. Они шли рука об руку, разбрасывая на дорогу угощение для птиц. Тайка начала тихонечко петь. Аленка сперва прислушивалась, а потом стала подтягивать. Голосок у нее был звонкий, чистый:

«Сестры-пташки, просим вас, расскажите Осени – пусть приходит с дождиком, с ласковыми ветрами осень бестревожная, добрая и светлая.

Пусть в земле спокойно спят зерна-семечки, охраняя нас в темное времечко...»

Завершив обережный круг, они с Аленкой обнялись и по-

желали друг другу светлых Осенин.

Итак, самое важное было сделано – теперь же их ждало разудалое лесное веселье.

Глава четвертая.

Никто не идеален

Осенний праздник, на который Тайка пригласила Аленку, всегда начинался после наступления темноты. Дивнозёрская нечисть собиралась на берегу Жуть-реки. Ведьму-хранительницу тоже всегда звали, но бабушка еще лет пять назад перестала туда наведываться. Говорила, мол, года уже не те, чтобы всю ночь песни петь да танцевать, однако и Тайку одну тоже не пускала. Так что ей тоже предстояло попасть на ночные Осенины впервые (Аленке об этом было знать, конечно, не обязательно).

Они так боялись опоздать, что пришли сильно заранее. На берегу никого еще не было, и только могучий дивнозёрский леший Гриня рубил дрова для жарких праздничных костров.

– Ведьмушка! – Завидев Тайку, леший просиял и сгреб ее в объятия – такие крепкие, что аж косточки хрустнули. – А ты, смотрю, не одна, а с гостями...

Он нахмурился, и Тайка поспешила представить подругу:

– Это Аленка, моя помощница, маленькая ведьма. И Снежок – её симаргл.

– Симаргла и сам вижу, чай, не слепой, – Гриня хохотнул и поправил на вспотевшем лбу бандану с черепом. – «Маленькая ведьма», говоришь? А ты у нас, стало быть, теперь

большая, что ли? Ну и ну...

Тайка сперва думала было надуться: ну к чему этот снисходительный тон? Но потом заметила Катерину, сидящую неподалеку на бревнышке с очень кислой миной, и, забыв о своей обиде, ткнула лешего кулаком в бок:

– Вы что это, опять поссорились?

– Угу. – Гриня шмыгнул носом. – И на этот раз, похоже, всерьез.

Тайка сплела руки на груди:

– Так, а ну-ка выкладывай!

Леший помялся, снял бандану, пригладил пятерней спутанные соломенные патлы и, прочистив горло, покался:

– Помнишь, я говорил, что Катерина моя в городе работу нашла? Там все как-то очень быстро утряслось, и ей прямо завтра предлагают переезжать. А я против!

– Но почему? – Тайка в недоумении захлопала глазами. – Мне казалось, мы все обсудили в прошлый раз. Ты же все равно на зиму в спячку заляжешь до весны... а на новогодние праздники я тебя разбужу, сгоняешь в гости.

– Это слишком долго. – Гриня сжал кулаки. – Пока, значит, я спать буду, она там в городе без меня...

Он осекся, и Тайка не удержалась от смешка: ой, кажется, кто-то ревнует, надо же!

– Неужели ты Катерине не доверяешь? По-моему, она такого не заслужила.

– А я, выходит, заслужил, чтобы про меня забыли?!

– Гриня, ты ведешь себя как махровый эгоист.

Тайка старалась говорить мягко, но леший все равно насупился, перехватил покрепче топориче и буркнул:

– Знаешь, иди-ка ты... к Катерине. Вы с ней будто сговорились: одинаковыми словами меня попрекаете. А мне рассиживаться некогда: еще костры надо доделать и к состязаниям подготовиться.

– А что за состязания? – спросила Аленка очень тихо, но Гриня ее услышал и просиял:

– Дык кулачные бои же! Я уже два десятка лет бессменный чемпион Дивнозёрья. Приглашаю вас взглянуть на мою победу, девочки!

– Смотрю, кто-то в себе очень уверен, – не удержалась от подначки Тайка.

Леший пожал плечами и вернулся к колке дров. Мышцы на его руках бугрились весьма внушительно – сам Шварценеггер позавидовал бы, – и Тайка подумала: может, Гриня прав, чего скромничать-то, когда сила есть? Эх, ума бы ему еще поболее... Ладно, пожалуй, из них двоих ей проще будет найти общий язык с Катериной. Если, конечно, та захочет разговаривать. В прошлый раз, помнится, они не очень поладили.

Но остаться в стороне Тайка уже не могла, поэтому, выдохнув, пошла к бревну, а Аленку оставила с лешим. Пускай с костром помогает.

Катерина компании оказалась совсем не рада.

– Ты прости меня, ведьма, – она дернула плечом, – но я не хочу об этом говорить. И без того, знаешь ли, тошно. Я-то думала, Гришка нормальный, а он такой же собственник, как мой бывший.

И, сколько Тайка ни пыталась продолжить разговор, все было без толку: Катерина либо отвечала односложно, либо вообще отмалчивалась.

Тем временем совсем стемнело, и на поляну начали стекаться гости. Тут были все: и мавки, и лесовицы, и полевики... Даже несколько болотников пожаловали. (И как их только Мокша отпустил?) Дикие коловерши ухали в кустах, всюду раздавались смешки и визги, кто-то заиграл на свирели, а водяницы, едва слышав звуки музыки, пустились в пляс. Костры полыхали так ярко, что на поляне было светло как днем и ночной холод совсем не чувствовался.

Марьянка-вытянка в этот раз превзошла сама себя: не просто напекла пирогов – прикатила целую телегу с пышными лепешками, а домовый Сенька, пыхтя, нес огромную кастрюлю овсяного киселя.

– Уф! – Марьяна с наслаждением расправила плечи. – Думала, не успею, а гляди ж ты, управилась. Угощайтесь, ведьмы! Осень на дары щедра!

Она сунула им по лепешке и умчалась дальше.

Аленка хотела сразу же откусить кусочек, но Тайка ее остановила:

– Подожди, пока всем раздадут. Это особая пища. Вкушая

ее, мы вроде как все становимся родней и воздаем хвалу за урожай, ясно?

– Угу. – Девочка приложила мягкую лепешку к носу и с наслаждением вдохнула хлебный аромат. – Мы потерпим. Да, Снежочек?

Терпение не было сильной стороной симаргла, но бело-снежный крылатый пес послушался: сглотнул слюну и замер в ожидании у ног хозяйки.

Яромир на заповедную поляну тоже явился – один, без собак, – и как раз успел к раздаче дармового киселя и угощений. Сперва он выглядел, как сказал бы Пушок, «чужим на этом празднике жизни», но, услышав про кулачные состязания, воодушевился: глаза загорелись, плечи расправились, и он, сунув Тайке в руки недоеденную лепешку, помчался искать Гриню – леший как раз заканчивал распределять противников на первую сшибку.

– Тай, а они прямо серьезно драться будут? – поинтересовалась Аленка.

– Нет, что ты. Это спорт. Ну, как бокс или самбо, знаешь?

– А за кого ты будешь болеть? За Яромира? – Аленкины глаза загорелись.

– Да ни за кого. Просто посмотрю.

– Ну-у, так не интересно... – разочарованно протянула та, и Тайка не смогла сдержать смешка:

– Ишь ты, какая азартная! Вот сама тогда за Яромира и болей, а я за Гриню буду.

– Тогда полезли на дерево, чтобы лучше видеть. – Аленка вскарабкалась на старую черемуху ловко, словно мартышка, и Тайка охотно последовала ее примеру.

Было здорово вот так сидеть, прислонившись спиной к шершавой древесной коре, и болтать ногами. Не будь Аленки, Тайке, наверное, стало бы скучно, потому что все ее друзья оказались заняты своими делами. Одни собирались драться на кулачках, другие – отплясывать до упаду. Пушок давным-давно растворился во тьме вместе с дикими коловерщами. Даже обычно суровый и нелюдимый Никифор травил байки кикиморам. Впрочем, в их ряды затесалась какая-то незнакомая рыжая и веснушчатая домовиха – похоже, это из-за нее Никифор заливался соловьем.

А Катерина все сидела одна. Даже когда начались кулачные бои и в круг вышел Гриня, не пошла смотреть. Сперва Тайка думала, что стоило бы, пожалуй, позвать ее к ним с Аленкой на дерево. В конце концов, из людей на этом празднике лишь они трое, так почему бы им не держаться вместе? Но вскоре она отвлеклась на бои. Кстати, зря она смеялась: зрелище и впрямь оказалось захватывающим – особенно когда в круг вышли не неуклюжие овинники с полевиками, а Яромир против Грини. Тут уже даже свирели замолкли, а мавки с водяницами перестали танцевать. Повсюду слышались одобрителный гул и подбадривающие выкрики, а когда Гриня одним могучим ударом сбил Яромира с ног, грянули дружные аплодисменты (дивнозёрская нечисть, конечно,

но, болела за своего лешего, а не за пришлого чужака).

Впрочем, дивий воин тоже оказался не промах. Возможно, он проигрывал Грине в силе, зато в ловкости превосходил его изрядно и на ту же уловку дважды не попался: нырнул под руку и ударил так, что леший аж зубами клацнул. Гринька вытер разбитую губу тыльной стороной ладони и улыбнулся до ушей. Тайка понимала его радость: наконец-то лешему достался стоящий противник! Мельком она бросила взгляд на Катерину: неужели ей и теперь все равно? Но на бревне было пусто.

«Наверное, подошла поближе», – подумала Тайка, но на душе отчего-то стало на редкость неспокойно. Откуда только взялось это дурное предчувствие? Вряд ли Катерине что-то угрожало: вся местная нечисть прекрасно знала, что Гринину зазнобу трогать нельзя.

– Я на минуточку. – Тайка спрыгнула с ветки, благо было невысоко.

Аленка кивнула, но даже не повернулась, всецело поглощенная зрелищем. Тайке, конечно, не хотелось пропускать финал поединка. Но вдруг, пока они тут развлекаются, с Катериной случится что-нибудь плохое? Она же себе потом не простит...

* * *

Над рекой стелился туман, и трава под ногами намокла от

вечерней росы. У самой кромки воды было темно и холодно, словно весь жар остался там, на поляне у костров. Над лесом взошла убывающая луна, но ее света было недостаточно, чтобы разглядеть следы на берегу. Тайка позвала Катерину раз, другой – никто не откликнулся. Стало еще тревожнее. куда же она подевалась? Не топиться же пошла, в конце концов?

Зрители на поляне взорвались бурными овациями: похоже, одному из поединщиков все-таки удалось одолеть другого. Тайка вздохнула: эх, жаль, отсюда не видно, чья взяла! Ладно, она потом непременно узнает, кто победил.

Ниже по течению что-то плеснуло. Может, просто рыба, но проверить не помешает. Обогнув дикий малинник, девушка выбралась к излучине.

Течение реки здесь заметно убыстрялось, лунная дорожка искрилась расплавленным серебром. Глаза уже привыкли к темноте, лишь поэтому Тайка сумела разглядеть Катерину. Та вошла в воду уже по пояс – прямо в джинсах и футболке – и, кажется, не собиралась останавливаться.

– Эй! – окликнула ее Тайка. – Стой, ты куда? Там дальше омуты!

Но Катерина не обернулась. А на том берегу, скрываясь в тени деревьев, стоял неизвестный и махал ей рукой, маня к себе.

Недолго думая, Тайка влетела в воду, подняв тучу брызг. Бр-р, ну и холодина! Кожа вмиг покрылась мурашками, а зу-

бы принялись выбивать дробь друг о дружку. Ногу, как на-
зло, свело; Тайка охнула, но все-таки успела схватить Кате-
рину за запястье. Та вздрогнула и заозиралась по сторонам,
словно не понимая, куда ей идти дальше. Глаза девушки бы-
ли мутными: она смотрела будто бы сквозь Тайку. Похоже,
заклятие оказалось мощным. Тайка понимала, что не сможет
долго ее удерживать: Катерина была выше и сильнее. Оста-
валось надеяться, что помощь придет вовремя.

– Эй, кто-нибудь! На помощь! – крикнула она что было
мочи, как вдруг сама услышала тихий зов.

– Плыви сюда, Таюшка... – С того берега ей махала рукой
бабушка.

Не темнокошая красавица, которой та стала в Дивьем цар-
стве, а прежняя: седовласая, уютная. Тайке даже почудилось,
что в воздухе запахло медовым тестом и корицей (ба обожа-
ла медовики). Ей неодолимо захотелось попасть на тот берег,
она сделала шаг, но боль в сведенной мышце скрутила ногу
и вернула Тайку к реальности. Женщина, стоявшая на том
берегу, определенно не могла быть бабушкой.

Из последних сил Тайка схватила Катерину за плечи и,
развернув к себе, проорала в лицо:

– Кого ты там видишь?! Говори!

Девушка недовольно поджала губы:

– Отстань, чокнутая! Меня Гриша зовет.

Эх, была не была! Тайка изо всех сил ударила Катерину
по щеке. Боль может вернуть заколдованного человека к ре-

альности. Или нет.

Кажется, она просчиталась: голова Катерины лишь слегка дернулась, зато в глазах загорелся гнев.

– Ах, так! – Она изо всех сил толкнула Тайку к берегу и вцепилась ей в волосы. Удержаться на ногах не удалось. Они обе шлепнулись в ил, неловко барахтаясь и молотя руками по воде.

– Что это? Никак, кулачные бои продолжаются? – донесся до Тайкиных ушей голос Яромира (ох, давненько она не была так рада появлению дивьего воина!), а Гриня прогремел над головой:

– А ну перестаньте сейчас же!

Где-то неподалеку залаял Снежок. Кто-то взвизгнул (кажется, Аленка). В уши плеснула вода. А потом чья-то сильная рука подняла Тайку за шиворот и выволокла на сушу, как котенка. Она обернулась: ну, конечно, это был Яромир, кто же еще?

Леший очертя голову рванул за Катериной, но ее вытащить оказалось не так просто: девушка неистово кусалась и царапалась, а вырвавшись, снова устремилась в реку.

Темная фигура на том берегу вышла в лунный свет, и Тайка обомлела, разглядев на том берегу второго Гриню – определенно поддельного, как и ее бабушка.

– Иди сюда! – поманил он пальцем Катерину. – Я все решил: вместе в город поедем. Нет мочи мне без тебя жить.

– Не слушай его, вранье это! – прорычал настоящий ле-

ший. – Кать, прости меня, а? Дурак я был, что тебя не пускал. Я буду тебе звонить, чесслово! И на праздники приеду.

Девушка обернулась, но с того берега опять позвали:

– Знаешь, а я работу нашел. Механиком в автосервисе. Денег заработаю, к лету, глядишь, поженимся...

Настоящий леший закатил глаза и зло процедил сквозь зубы:

– Дело дрянь. Это аука зацепил ее и не отпускает.

Про аук, обитателей болот, Тайка читала в бабкиной тетрадке. Как же вовремя ей ногу-то свело, а! Эти вредные духи славятся тем, что заманивали людей в гиблые места, суля исполнить заветную мечту. Ох, нелегко будет Катерине выбрать между настоящим любимым – со всеми его недостатками и чудачествами – и своим воображаемым идеалом!

Но Катерина тоже оказалась не промах. Она посмотрела на одного лешего, потом перевела взгляд на другого и вдруг спросила:

– Напомни-ка, какое ласковое прозвище ты для меня сочинил? Уж что-что, а это только Гришка знает.

– Золотце мое? – неуверенно донеслось с того берега. – Заинька? Птичка? Рыбка?

А настоящий леший, просияв, рассмеялся:

– Ну, иди сюда, холера моя ясная!

– Вот вы чокнутые! – выругался сквозь зубы аука и – хлоп – растаял в воздухе.

Злое колдовство рассеялось. Катерина выскочила из во-

ды как ошпаренная и с разбегу уткнулась лицом в Гринину грудь. Ее била мелкая дрожь. Леший снял косуху и накинул ей на плечи, а потом поклонился Тайке:

– Спасибо, ведьмушка. Вовремя ты кричать стала. Еще немного, и искали бы мы вас в глубоком омуте.

– Вам спасибо, что успели. – Тайка с трудом держалась на ногах, и дивий воин подхватил ее под локоть, не давая упасть.

– Аленку благодари, – улыбнулся Яромир. – Она твой зов услышала и нам сказала. Говорят, ученица твоя? Что ж, добрая будет ведьма, когда подрастет.

Девочка, заслышав эти слова, совсем засмушалась и, покраснев, пробормотала:

– Ой, пойдемте-ка лучше быстрее к огню сушиться... А то вымокли все – хоть выжимай!

Тайка не помнила, как добралась до костра. Может, сама дошла, а может, Яромир дотащил. Да, кажется, так оно и было. Сильные руки завернули ее в плащ и поднесли к губам уже знакомую флягу с дивьей бражкой:

– Давай, пей, пока Никифор не видит. Худа не будет. Это зелье стольким моим людям жизнь спасло... ну, когда мы с Кощеевичем воевали. Супротив холода лютого – самое верное средство.

Тайка, зажмурившись, сделала глоток. Дрожь вмиг унялась, к щекам пришила кровь.

– А расскажешь мне о той войне?

Наверное, это был неуместный вопрос, потому что Яромир надолго замолчал. Она уже хотела извиниться, когда вдруг услышала:

– Расскажу. Хотя мне и нелегко, но это история твоего деда. И в целом твоего рода. Тебе стоит знать. Только давай не сейчас. Ты же носом клюешь, как цапля на болоте.

«И вовсе я не клюю», – хотела сказать Тайка, но язык уже не ворочался.

Еловые полешки потрескивали и искрили, в воздухе пахло дымком, где-то на грани слышимости пели свирели... Тут-то ее и сморило. Она лишь успела подумать, что так и не спросила, кто же победил в кулачном бою, но глаза уже сами собой закрылись. А, ну и ладно! Еще успеется узнать.

Глава пятая.

Гуси-лебеди

Следующие несколько дней Тайка с Гриней тщетно пытались искать ауку, но тот словно в воду канул. И даже Яромир с собаками не смогли помочь: зловредный дух ничем не пах и следов на земле не оставлял. Впрочем, леший, казалось, не очень расстроился, потому что вся эта история помогла им с Катериной помириться и понять, что они хоть такие и разные, а все же нужны друг другу.

В начале октября Катерина, как и собиралась, уехала в город. Первую неделю Гриня слонялся по лесу грустный и вздыхал, потом на выходных созвонился с невестой, и его печаль как рукой сняло. Весь вечер ходил, улыбаясь, и повторял:

– Ишь, какая вещь – телефон! Вот где настоящая магия!

От обязанностей он больше не отлынивал, начал потихоньку лес к зиме готовить, а еще зачастил с Яромиром рыбачить. Они вообще после Осенин сдружились. (Тайка наконец-то выяснила, что в кулачном бою на празднике победил дивий воин, но Гриня планировал взять реванш на следующий год и теперь постоянно просил показать ему «пару приемычков».)

В общем, уже две недели кряду жизнь в Дивнозёрье текла

тихо и мирно, и Тайка совсем было расслабилась. Как оказалось, зря.

Однажды утром к ней примчалась насмерть перепуганная Аленка.

– Тая, меня хотели похитить! – затараторила она с порога. – Спасибо, Снежок залаял и спугнул их!

– Кого – «их»? – От неожиданности Тайка чуть ложку каши мимо рта не пронесла.

Нет, нечисть, конечно, всякая встречается. Но деревня хорошо защищена, и злых тварей осторожный круг не пропустил бы, а добрые – типа домовых или вон того же Пушка – людей обычно не похищают. (Конечно, Пушок без спроса таскает еду, но это же совсем другое!)

– Я их не видела, только слышала. – Аленка без сил упала в кресло, вытирая пот со лба. – Проснулась – и слышу, под окном кто-то ходит. Потом подоконник скрипнул: ты же помнишь, он у нас совсем разошедшийся? И тут какая-то незнакомая тетка говорит: «Так что, эту девчонку берем или другую поищем?» – а другая ей отвечает: «От добра добра не ищут. Тощевата, конечно. Но берем». Потом шпингалет звякнул, будто бы его отодвинули, и тут Снежок как залает – и прыг во двор. Я тоже выглянула, да только снаружи никого уже не было. И никаких следов под окном. Тай, кто это может быть, а? Они же не придут снова?

– Не знаю. – Тайка отложила ложку. – Сперва надо осмотреть место преступления.

– Что? Какое преступление? Где? Детектив Пушок спешит на помощь!

Из-за печки вынырнул коловерша с горящими от восторга глазами. Даже про Снежка, наследившего грязными лапами на кухне, ничего плохого не сказал – вот как загорелся идеей расследования. Снежок же на него рыкнул, и Аленка, повернув голову, захлопала глазами:

– Ой, а кто это?

– Ну да, вы же не знакомы. – Тайка поманила коловершу пальцем, и тот занял свое законное место у нее на плече. – Это Пушок, мой друг. Ты можешь его видеть, когда смотришь глазами симаргла. Ну или когда он сам захочет показаться. А вот понимать его слова из людей могу только я.

Аленка, улыбнувшись, помахала ему рукой:

– Здравствуй, Пушок.

Коловерша фыркнул:

– И тебе не болеть, пёсья нянька.

– Он тоже поздоровался, – пояснила Тайка, решив не переводить дословно, что именно ляпнул этот пернатый нахал. – Пойдемте посмотрим, не остались ли под окном какие-нибудь улики.

* * *

– Эй, вы слепые, что ли? Ну вот же тут следы! – Пушок аж приосанился, довольный находкой.

– Они птички, – пожалала плечами Тайка. – На гусиные похожи.

– Но ведь у тети Маши нет гусей!

– Может, случайно забрели. Ален, у ваших соседей гуси есть?

Тайка потрогала рукой след от птичьей лапки. Точно такие же отпечатки были и на подоконнике. Хм, странно... Домашние гуси обычно высоко не летают.

– Не, – помотала головой девочка, – они кур держат и цесарок. Слушай, я как-то раньше внимания не обратила, но это и правда странно... Тай, а бывают гуси-оборотни?

Старшая подруга наморщила лоб:

– Никогда о таких не слышала. Но в мире столько чудес, что не удивлюсь, если бывают.

– Ой, прямо как в сказке! Помнишь, «Гуси-лебеди»? – хихикнула Аленка.

– Это все выдумки! – фыркнул Пушок. – Еще скажите, Баба Яга существует!

– А разве нет? – Тайка, признаться, не поверила. Ведь если есть лешие, домовые – да и тот же Кощей, – почему бы не быть и Бабе Яге?

– Ну, я не видел. – Коловерша надулся, став похожим на пушистый шарик. – А мне, между прочим, немало довелось повидать на своем веку.

– Немало, да не все! – отрезала Тайка. – Слушай, ты, детектив Пушок, уж коли ведешь расследование, твоя задача –

проверить все версии. И отметить ненужные не потому, что ты так решил, а только с вескими доводами за и против.

– Ладно, ладно, убедила! – захлопал крыльями коловерша. – Будем считать нашей рабочей версией, что Аленку хотели похитить гуси-лебеди, чтобы утащить ее к Бабе Яге на обед в избушку на курьих ножках. Вот только как это теперь подтвердить или опровергнуть?

Когда Тайка пересказала Аленке все, о чем они говорили, та на мгновение задумалась, а потом воскликнула:

– Я знаю – нам нужен эксперт! Есть же кто-то, кто лучше нас разбирается во всяком волшебстве?

Тайка с Пушком переглянулись и хором выпалили:

– Яромир!

И Снежок гавкнул, соглашаясь с ними. Хотя, признаться, Тайка подозревала, что маленький симаргл просто хотел повидаться со своими папой и мамой, а расследование его не очень-то заботило. Неудивительно: птицы-то уже улетели!

* * *

– Какие еще гуси-лебеди? Что вы мне голову морочите?

Похоже, Яромир с утра пребывал в дурном настроении. Даже Марьянины пироги с вареньем не заставили его сменить гнев на милость. Он явно был не очень-то рад гостям с раннего утра, но на чай зайти все-таки пригласил.

– Кто-то хотел похитить Аленку, а следы под окном только

гусиные. – Тайка уселась на краешек табурета. Она чувствовала себя неловко: не любила приходить, когда ее не ждали.

– Ничего не понимаю! Давайте, рассказывайте уж все по порядку,! – потребовал дивий воин, сплетая руки на груди, и Аленка выложила ему свою историю слово в слово, а Пушок добавил, что это именно он нашел следы. Не забыл со смешком упомянуть и про Бабу Ягу.

– А вот тут ты, кстати, не прав, – не меняясь в лице, сказал Яромир. – Разумеется, Баба Яга существует, только показывается не всякому. Но никакие гуси-лебеди для нее детей не воруют, не выдумывайте. Тут что-то другое... Знаете, есть у меня одна идея, но... нет, это вряд ли. А впрочем...

Рассуждая сам с собой, дивий воин преображался на глазах. Всю его утреннюю хандру как рукой сняло. Похоже, он просто маялся от безделья, а тут появилось какое-никакое, а все же дельце.

– Слушайте! – хлопнул он рукой по столу. – Устроим засаду на ваших гусей-лебедей. Собак брать не будем, чтобы не спугнуть раньше времени. Пусть Снежок сегодня переночует здесь, а мы отправимся в дом к младшей ведьме. У вас найдется сеть?

– Какая еще сеть? – озадачилась Тайка.

– Обычная, рыболовная. – Яромир дернул плечом: мол, чего тут непонятного?

– У нас есть, в сарае висит. Только ею давно не пользовались. Это ничего? – Аленка от нетерпения подпрыгивала на

месте.

Казалось, ей теперь все нипочем, и Тайка даже немного надулась: с ней, значит, подруга тряслась как осиновый лист, а как только к расследованию подключился дивий воин, на тебе – тут же успокоилась. Ну-ну...

– То есть эта сеть вообще ненужная? Можно я ее тогда себе заберу? Ну, потом, когда все закончится.

Аленка кивнула, и Яромир аж просиял:

– Отлично! Мне бы теперь взглянуть на нее. Починить там, если прохудилась...

Ох уж эти заядлые рыбаки! Если бы ему с самого начала пообещали сеть, он бы на что угодно согласился, что ли?

Плохое настроение дивьего воина, похоже, теперь перешло к Тайке. Ей хотелось ворчать, обижаться на весь мир, и она едва сдерживалась, чтобы не наговорить чего лишнего. Может быть, потому, что следы обнаружил Пушок, Аленка с Яромиром без проблем нашли общий язык, а она вроде как и не при делах оказалась?

Но ничего, еще не вечер!

– Пойду-ка я бабушкину тетрадку полистаю. – Она встала и одернула толстовку. – Может, найду что-нибудь про этих гусей-лебедей. Увидимся позже.

– И бутербродовхвати, – напутствовал ее Яромир. – Всю ночь сидеть в засаде будем. Проголодаемся.

– Мало мне было одного проглота, еще и второй завелся! – фыркнула Тайка уже от двери. – Пусть тебя Марьяна кормит.

Дивий воин посмотрел на нее странно, но ничего не сказал. А не заметивший возникшего напряжения коловерша, облизнув усы, добавил:

– Да-да, и побольше! Желательно с колбаской!

* * *

День оказался каким-то бесконечно долгим: Тайка едва дождалась заката. Конечно, в бабушкиных записях ни гусей-оборотней, ни тем более лебедей не нашлось. Какие обереги делать против нового вида нечисти, тоже было не совсем понятно. Получалось, что, если дело дойдет до драки, ей лучше надеяться не на чары, а на добрый меч. Кладенец по-прежнему обвивал ее запястье и немного теплел всякий раз, когда Тайка о нем вспоминала. Это было очень приятное ощущение.

Эх, хорошо бы Яромир поучил ее немного обращаться с оружием! Но попросить она пока не решалась: почему-то казалось, что дивий воин ее на смех поднимет. Ишь, горе-воительница! До шестнадцати лет дожила, а не знает, с какой стороны за меч браться!

Одолеваемая такими невеселыми мыслями, Тайка отправилась к дому Аленки, все-таки прихватив с собой бутерброды. Она пришла последней: друзья были уже на месте. Яромир как раз заканчивал растягивать ловушку под окном: ему весьма неплохо удалось замаскировать сеть в ветвях старой

яблони.

– Еще отвод глаз добавлю, и порядок. – Он похлопал ладонью по стволу, явно довольный своей работой.

– О, Тая! Бутерброды с тобой? – Пушок высунул заспанную морду из листьев:

– О, Тая! Бутерброды с тобой?

– Ну вот, поспали, теперь можно и поесть? – усмехнулась Тайка. – Я смотрю, ты тут больше всех помогал?

– Не придирайся. – Коловерша принялся вылизываться. – Ночью-то предстоит бдить! А у меня ушки на макушке!

– Соня-засоня ты! – не удержалась от подначки девушка. – Никто, кроме тебя, днем не спит.

– А вот это поклев! – встрепенулся Пушок. – Аленка еще как дрыхнет.

– Она маленькая, ей можно.

– Мне тоже! Я вообще животное! Забыла?

Яромир поднял руку в упреждающем жесте:

– Перестаньте спорить! Вас, небось, на том краю деревни слышно. А ну-ка по местам! Стемнело, значит, похитители могут в любую минуту заявиться.

– Ишь, раскомандовался, – буркнула Тайка себе под нос, но покорно полезла в кусты.

Яромир, недолго думая, устроился рядом, еще и краешком плаща поделился и рукой похлопал: мол, двигайся ближе, чего на голой земле-то сидеть? Пушок прижался к пакету с бутербродами всем телом и мечтательно вздохнул. Как-

то так они и затаились.

Время шло, ничего не происходило. Ночь выдалась темной, луна скрылась за облаками, вокруг было тихо, и Тайка напряженно вглядывалась во мрак, вздрагивая от каждого шороха.

– Не волнуйся, – шепнул Яромир, осторожно тронув ее за плечо. – Мы их не упустим. Я в ночи вижу, как кот. Да и Пушок тоже.

Утешил, называется! Спасибо за еще одно напоминание, что она тут не очень-то и нужна...

Тайка хотела ответить что-нибудь резкое или даже вовсе плюнуть и уйти, как вдруг – фр-р – прямо под окном приземлились две дикие гусыни. Дивий воин беззвучно выругался: птицы, как назло, сели не под сетью, а чуть поодаль, будто почуяли ловушку.

Одна гусыня – та, что крупнее и, судя по голосу, постарше – принялась поучать другую:

– Ты должна избавиться от пса. Уведи его подальше, а я тем временем проникну в комнату и заберу девочку.

– И почему тебе всегда достается работа полегче?! – возмутилась ее товарка, смешно шлепая красными лапами по траве.

– Полегче?! Это девчонку-то умасливать? А вдруг она заартачится?

– Да брось, еще ни одна не отказывалась от своего счастья. – Младшая гусыня перелетела на подоконник и загля-

нула в комнату, прижавшись лбом к стеклу. – Все в порядке, она спит. А вот собаки что-то не видать...

– Может, прячется где? – Старшая гусыня, взмахнув крыльями, присоединилась к подруге и завертела головой. – Хм... странно. Вроде никого нет. Ну ладно, вперед!

Звякнул шпингалет, окно со скрипом отворилось, птицы просунули свои длинные шеи внутрь, но не тут-то было: Аленка вдруг подпрыгнула на кровати с громким криком:

– Бу!

Птицы от неожиданности шарахнулись, чтобы на этот раз попасть точнехонько под сеть Яромира.

– Ага! – запрыгал Пушок. – Вот так-то! Знай наших!

Дивий воин выскочил из кустов и быстро затянул сеть. Гусыни угрожающе зашипели, но это не произвело на Яромира никакого впечатления.

– Надо же, а я был прав, – улыбнулся он. – Это вилы. Давненько их не видал...

– В смысле?! – захлопал глазами коловерша. – Вилы – это же такая штукавина с зубьями, чтобы сено перекладывать?

– Не те вилы. Это девы с гусиными лапами. – Дивий воин потряхнул сетью, и гусыни яростно загоготали. – Только у вас в Дивнозёрье таких отродясь не водилось. Они холод не любят и обычно намного южнее живут. Ну, что будем с добычей делать? Суп состряпаем али жаркое?

– Не надо суп! – Тайка выбралась из кустов, а Аленка поддакнула ей, свешиваясь из окна:

– Это же не настоящие гуси!

– Тогда дарю. – Яромир сунул сеть Тайке в руки. – Ты попросила – я поймал. Остальное не моя забота, дивья царевна.

Гусыни забились в надежде, что из девичьих рук вырваться будет проще, но Тайка крепко сжала кулак и трянула сеть:

– А ну-ка успокоились все! С вами мы еще разберемся.

Она подозрительно глянула на дивьего воина:

– Ты же пошутил насчет жаркого, правда?

– Ну, разумеется. Что ж я, негодяй какой? – пожал он плечами.

– Уф, хорошо. Расскажи, что ты знаешь об этих вилах, или как их там?

– Пф, можно подумать, у них самих языка нет. – Яромир ткнул одну из гусынь в бок и отдернул руку от мощного клюва, нацелившегося тяпнуть его за палец. – Вот ты. Давай, говори. Ты вроде как старшая.

В ответ раздалось недовольное шипение:

– Поставьте нас на землю, пожалуйста. Мы никому не хотели зла, клянусь. Я сейчас все объясню.

Тайка положила сеть и помогла гусыням выпутаться, несмотря на явное неодобрение Яромира.

– Сейчас упорхнут, и поминай как звали, – процедил дивий воин сквозь зубы, но на этот раз не угадал.

Миг – и птицы превратились в двух очень похожих друг на друга смуглых девиц с каштановыми кудрями и карими

глазами. Ага! Выходит, все-таки бывают гуси-оборотни!

Старшая из девиц поклонилась:

– Меня зовут Лина, а это моя сестра Лида. Мы хотели предложить девочке уйти с нами, но, поверьте, ни за что не стали бы забирать ее силой.

– А не врете? – Аленка вылезла на подоконник, свесив ноги.

– Да чтоб не сойти мне с этого места, ежели я лгу!

Голос Лины прозвучал уверенно.

– Хм... Вообще вилы считаются благими созданиями, – нехотя заметил Яромир. – Ну, обычно.

– Ага, так вот почему мой защитный круг не остановил их! Тогда, думаю, они говорят правду. – Тайка невольно залюбовалась платьями сестриц и их чудесными украшениями из перьев.

– Но доверять им вот так сразу я бы тоже не стал, – шепнул Яромир, качая головой. – Мало ли что у этих птичек на уме.

– Не умничай! Сама знаю!

– Не ругайтесь, пожалуйста! – поджала губы Аленка. – Пойдемте лучше попьем чаю. Мама все равно сегодня в ночную смену работает. – Она перевела взгляд на державшихся за руки Лину и Лиду. – Вас я тоже приглашаю, тетеньки. Чувствуйте себя как дома.

Девицы настороженно переглянулись, дивий воин закатил глаза, Тайка сосредоточенно теребила в руках веревочку, которой была подвязана сеть, и только Пушок на радостях за-

танцевал так, что поскользнулся и чуть не брякнулся кверху лапками:

– Да-да! С бутербродиками! Мы же их так и не попробовали!

Его возглас разрядил донельзя напряженную обстановку. Лина и Лида сдержанно хихикнули, Тайка тоже усмехнулась, а дивий воин в сердцах махнул рукой:

– А, черт с вами! Чаю – так чаю.

Глава шестая.

Привет из Дивьего царства

– Только обувь снимайте, а то мама ругаться будет, если натопчем.

Аленка вошла в дом первой и сразу же забегала-захлопотала по хозяйству: поставила чайник, достала пачку «Юбилейного» печенья.

Вилы сперва замялись на пороге, переглянулись, но все же зашли внутрь. Они подобрали длинные подола, и Тайка невольно ахнула: под юбками у девиц-птиц так и остались красные гусиные лапы.

– Нету у нас обуви, – хихикнула Лида, младшая из них. – Не шьют, знаешь ли, для гусей сандаликов.

– Тогда просто вытирайте, – Аленка и бровью не повела.

Когда все расселись (Пушок, разумеется, занял место поближе к печенькам) и разобрали разномастные чашки, Тайка, поставив локти на стол, сплела руки под подбородком и обратилась к Лине:

– Итак, мы слушаем. Что вас привело в Дивнозёрье и для чего вам понадобилась Аленка?

– Вообще-то это две разные истории. – Вила отхлебнула чаю и поморщилась. – Ух, какой горячий!

– Ты давай от темы не отклоняйся. – Пушок, вспомнив,

что он вроде как собирался вести расследование, бодро забарабанил когтями по столу: ну чисто сыщик на допросе. Спасибо, что лампой в лицо светить не стал. – Зачем ребенка похищать вздумали?

Лина сделала вид, что не услышала коловершу. Пришлось Тайке повторить вопрос, и только тогда вила соизволила ответить:

– Не похищать, а предложить стать одной из нас. Все по-честному. У девочки сильный дар, мы нашли бы ему достойное применение.

Аленка украдкой показала Тайке язык: мол, смотри, даже нечисть меня заметила! А ты колдовству учить не желаешь!

Лина же наклонилась ближе к девочке и зашептала:

– Ты еще можешь пойти с нами, если захочешь. Вилами могут стать только совсем юные девушки, если пройдут обряд посвящения по доброй воле.

Но Аленка отодвинулась от нее вместе со стулом и мотнула головой:

– Спасибо, что-то не хочется. Я и плавать-то не умею. А тут в гусыню превращаться надо, в воду лезть...

Она старалась улыбаться, но Тайка видела, что подруге не по себе. Похоже, она поневоле думала, что упускает уникальную возможность, – больше ей такого никто не предложит. Признаться, Тайка и сама засомневалась бы: ведь это же наверняка здорово – уметь превращаться в птицу, парить над землей... Но ей никто стать вилой не предлагал. И это было

даже немного обидно. Ну чем она хуже?

– Они так размножаются, – пояснил до сих пор молчавший Яромир. – Парней-вил не бывает, вот и приходится как-то выкручиваться.

Лина и Лида покосились на него с явной неприязнью, но Тайка заметила это позже, чем неловкий вопрос сорвался с ее губ:

– А куда же они все подевались?

– Вымерли в стародавние времена. Кто говорит, друг друга переубивали, а кто – что бабы сами их извели. Ведь вилы – очень могущественные чародейки. В общем, мутная там какая-то история, – пожал плечами дивий воин.

– Это наши внутренние дела, – прошипела Лида, – нечего в них лезть! Особенно мужчинам!

А Лина более спокойным голосом добавила:

– Простите, наш народ живет очень обособленно. Мы ревностно храним знания и магию и недолюбливаем чужаков. Девочка отказалась: ее право, ее выбор. Настаивать мы не будем, дважды предлагать – тоже. Выполним поручение и сразу уйдем. Очень уж тут у вас холодно.

Будто в подтверждение своих слов, она поежилась, и Тайка заметила, что руки и плечи вил и впрямь покрылись пупырчатой «гусиной кожей».

– Так-так-так! – встрепенулся Пушок. – И что же это у нас за дело такое, а?

Он нахмурился, чтобы выглядеть более грозным, но Лина

даже не взглянула в его сторону. Все ее внимание принадлежало Тайке.

– Ты спрашивала, что привело нас в Дивнозёрье? Обычно мы даже не летаем мимо вашего края. – Вила обмакнула печенье в чай. – Знаешь, есть и другие двери в волшебную страну. Мы ходим своими путями. А жители юга верят, что это мы уносим тепло на своих крыльях – поэтому наступают зима, – а когда возвращаемся, то весна приходит следом за нами. Этой осенью я, как и во все прошлые годы, открыла дорогу домой для своей стаи, но на этот раз с той стороны нас ожидали дивьи люди. Они обратились с просьбой, и, признаться, сперва я думала отказаться, но тут со мной заговорила сама царица. И тогда я поняла, что с ними можно иметь дело. Она ведь женщина, а значит, нам ровня.

– Царица! – Тайка, подпрыгнув, чуть не перевернула чашку. – Ее, случайно, не Таисьей звали?

– Откуда ты знаешь? Вы знакомы? – Лина подалась вперед, почти по-гусиному вытянув шею.

– Это моя бабушка... – вздохнула Тайка.

– Правда? В таком случае нам повезло! Поручение касалось именно тебя. Она велела передать своей внучке подарочек.

Вила достала из поясного кошелька маленькое круглое зеркальце в берестяной оправе и протянула Тайке.

– А что это?

– Положи его под подушку, так велела царица. Она хочет

поговорить с тобой, но у нее никак не выходит. Говорит, из-за того, что волшебное навье зеркало сломано, а так сумеет до тебя достучаться. Оно хоть и маленькое, а чары усиливает.

– Ух ты! – Тайка сжала бабушкин подарок в ладонях и приложила обе руки к груди.

– Погоди, ты что, веришь этой гусыне? – Яромир сжал побелевшие губы в тонкую линию. – Что, если это не от царицы подарок, а от нашего врага Лютогора?

А Аленка, подозрительно прищурившись, добавила:

– Странно, что вы Тайку не узнали. Они, между прочим, с бабушкой очень похожи!

– Правда? – Лина недоуменно моргнула. – Не знаю, может быть... Для нас все смертные на одно лицо.

– А больше царица Таисья ничего не передавала? – Тайке хотелось верить вилам, но сомнения все же оставались. Может, и впрямь Кощеевич прислал ей навье зеркало. Помнится, он тоже хотел увидеться.

Лина нахмурилась, припоминая:

– Сказала, что получила твою весточку с соломенной птичкой. И что любит тебя.

У Тайки отлегло от сердца:

– Все в порядке, ребят. Это и правда была моя ба.

Ох, как же она теперь была рада, что не ушла! Зря думала, что это не ее приключение. Оказалось, что вилы только ради Тайки в Дивнозёрье прилетели.

– Спасибо! – Она с опозданием вспомнила, что де-

виц-птиц стоит поблагодарить за услугу.

– Не поминайте лихом, – улыбнулась в ответ Лина, а Лида добавила:

– Может, еще свидимся как-нибудь.

Хлоп – вилы снова превратились в гусынь и загоготали, требуя открыть им окно.

– Тая, мы что, вот просто так их возьмем и отпустим?! – возмутился коловерща, дернув на себя скатерть.

– Ну а как иначе? Состава преступления-то нет! – Тайка распахнула окно, и вилы взмыли в ночное небо. Их длинношеие силуэты быстро затерялись во тьме.

Аленка хоть и поспала днем, а все равно вдруг начала зевать, поэтому гости поспешили откланяться. Тайке и самой не терпелось поскорее добраться до постели – ведь теперь, с зеркальцем под подушкой, бабушка сумеет ей присниться! Так что домой она не бежала – летела. Едва не забыла махнуть Яромиру рукой на прощание, когда настало время расходиться в разные стороны. Но дивий воин сам окликнул ее, подошел и вдруг вложил в ладонь свежие рябиновые бусы:

– Вот, чуть не забыл, возьми.

– Зачем? – удивилась Тайка.

Нет, они в детстве с девчонками тоже такие делали: и браслетики собирали, и серьги. Жаль, яркие ягоды быстро тускнели и сморщивались: долго не поносишь.

– Это подарок. Оберег с дивными чарами. Повесишь в спальне, у изголовья кровати. Если вдруг кто-то захочет вред

тебе причинить – изнутри сна или снаружи, – ты сразу же проснешься.

– Но... он же засохнет?

– Не беда, силу от этого не потеряет.

– Спасибо, – улыбнулась Тайка.

Ей стало приятно, что Яромир о ней позаботился. Сразу захотелось чем-нибудь отдариться, но у нее с собой ничего не было. Эх, жалко!

Зато она вдруг вспомнила, о чем хотела попросить дивьего воина, и сочла, что случай как раз подходящий:

– Слушай, а ты не мог бы научить меня обращаться с мечом? А то глупо получается: я вроде как воительница, и Кладенец со мной остаться захотел, а я его даже держать толком не умею.

Взгляд Яромира стал насмешливым, и Тайка ожидала какой-нибудь обычной колкости в ответ, но так и не дождалась.

– Ладно, дивья царевна. Коли хочешь – научу. Но учти: поблажек никаких тебе не будет. Приходи завтра на рассвете. И смотри не опаздывай.

Вот это да! Умеет ведь разговаривать нормально, если захочет!

День, который казался Тайке неудачным, заиграл совершенно новыми красками. Ну, уже не день, конечно, а ночь – не важно. В порыве чувств она обняла Яромира (кажется, тот слегка опешил) и вприпрыжку помчалась домой – скорее спать и смотреть сны.

Она так устала, что заснула, едва голова коснулась подушки. Перед сном только и успела, что повесить рябиновые бу-
сы на светильник. Ну, и про зеркальце не забыла, конечно. Ох, только бы оно сработало...

* * *

Колдовской сон привел Тайку в уже знакомое место – в яблоне-
вый сад, где росли деревья с хрустальными листьями и золотыми
плодами. В предрассветных сумерках то и дело слышалось тихое
мелодичное позвякивание – макушки яблонь покачивал легкий
ветерок; над головой разгоралась розовая заря. С прошлого раза
здесь почти ничего не изменилось, только прибавились новая
деревянная скамейка с резной спинкой и дубовый стол.

Тайка присела и огляделась.

– Ба!

– Уже иду, родная моя, – раздалось совсем рядом.

Бабушка (ой, наверное, стоило перестать ее так называть –
теперь она выглядела лишь немногим старше Тайки) появилась
из-за дерева, как будто всегда там стояла и ждала. С их прошлой
встречи царица стала будто бы еще румянее и краше.

Они обнялись, и Тайка уткнулась лбом в сарафан из алой парчи,
расшитой золотыми петухами и ягодами смородины. Ткань казалась
слегка влажной от росы, а от бабушкиных во-

лос пахло травяным сбором и немного медом.

– Ты получила мою весточку? – хором сказали они и обе рассмеялись. Вон как: давно не виделись, а все говорят в склад да в лад.

– А ты, мне кажется, еще выросла. – Царица Таисья потрепала внучку по волосам. – Выше меня стала. Ну, рассказывай, что у тебя стряслось!

– Я просто соскучилась. – Тайка не могла заставить себя разомкнуть объятия. – А еще посоветоваться хотела. Ты не думай, так-то я со всем справляюсь...

– Не сомневалась в этом. Ты у меня умница, Таюшка. – Царица присела рядом, приобняв ее за плечи. – Может, хочешь кваску медового? Али плюшек?

Кто же будет отказываться от чудесного угощения из Волшебной страны? Тайка кивнула, и царица Таисья, достав из рукава платок, расстелила его на столе.

– Смотри, это салфетка-самобранка. Почти как скатерть, только поменьше. Очень выручает, когда хочется совсем немного перекусить. По-нашему это вроде как ночью к холодильнику сбегать.

На салфетке, словно по мановению волшебной палочки, возникли блюдо с ароматными румяными плюшками, глиняный кувшин и две глазурованные кружки, украшенные изображением белого волка и полумесяца. Тайка залюбовалась картинкой, и бабушка, улыбнувшись, пояснила:

– Это царский знак. Я же говорила тебе, что Радосвет уме-

ет превращаться в волка?

– Да-да, это из-за того, что их род с белыми волками побратимствует. То есть... не их, а наш, выходит? – До Тайки впервые дошло, что это и ее кровь тоже, и у нее аж дух захватило. – Слушай, ба, а я когда-нибудь смогу превращаться в волчицу?

– Чего не знаю, того не знаю, – пожала плечами царица Таисья. – Четверть дивьей крови – это, конечно, маловато. Но всяко может быть, чудеса случаются.

– А что для этого нужно сделать? – У Тайки загорелись глаза, но ответ заставил ее разочарованно вздохнуть:

– Для этого тебе сперва нужно попасть в Дивье царство не во сне, а наяву. И встретить мать-волчицу, которая признает тебя и дарует свое благословение. Или нет, тут уж как повезет.

– Эх, ну, это когда случится... Сорок девять с половиной лет еще ждать. – Тайка обхватила кружку обеими руками и глотнула квасу: от него пахло медом и какими-то сладкими пряностями.

– А ты, можно подумать, дни считаешь... – бабушка хитро прищурилась. – Так манит Волшебная страна? Или, может, кто-то из ее обитателей?

– Кстати, об обитателях, – спохватилась Тайка. – Я вообще-то о Яромиире хотела поговорить.

Взгляд бабушки стал еще более хитрым, и Тайка слегка покраснела.

– Ты не то подумала, ба. Я про его изгнание. Это несправедливо! Он же не Мокша какой-нибудь. Скажи царю Радосвету, что...

– А ты возьми да сама ему скажи, – перебила ее Таисья. – Вон он сюда идет. Решился-таки с внучкой познакомиться. Давно пора!

Тайка охнула и вскочила с места. Предупреждать же надо! Она бы, может, себе наряд какой-нибудь получше наснила, а то все в джинсах да в джинсах. Хотя сны редко подчиняются нашим желаниям...

– Да ты сиди, сиди!

Звонкий голос Радосвета раздался прямо за ее спиной, и Тайка аж подпрыгнула от неожиданности.

Да что за мода у этих дивных бесшумно подкрадываться?!

– Э-э-э... Здравствуйте!

Она подняла взгляд и встретила с пронзительными зелеными глазами своего деда. Впрочем, «дедом» его называть было сложно. Перед ней стоял молодой белобрысый парень с веснушчатым лицом и слегка вьющимися зачесанными назад волосами. Его высокий лоб украшал царский венец с рубином, а кафтан был пошит из той же ткани, что и сарафан царицы.

Радосвет раскрыл объятия, Тайка осторожно шагнула вперед и охнула: хватка у царя была медвежья. Он трижды поцеловал ее в щеки, обдав ароматами каких-то терпких трав, свежей выпечки и свечного воска. Пахло очень по-домашне-

му, и Тайка невольно заулыбалась.

– Рад знакомству. – Дед взял ее руки в свои. – Значит, дивья царевна, хм?

– Это вам Яромир нажаловался? – Тайка, смутившись, опустила взгляд.

– Во-первых, не «вам», а «тебе». Негоже близким родичам церемонии меж собой разводить. А во-вторых, ну почему сразу «нажаловался»? Я спрашивал о тебе, он рассказывал – все чин по чину.

Царь улыбался широко и открыто, и Тайка не верила своим глазам. Неужели ей наконец-то удалось увидеть бабушкиного «дивьего мальчика»? Признаться, она представляла себе Радосвета совсем другим, но ведь и лет-то прошло немало. Разумеется, он уже не мальчишка, а взрослый мужчина. Царь к тому же.

Насмотревшись на деда, она наконец-то вспомнила, зачем пришла, и взмолилась:

– Царь-дедушка, я тебя за Яромира просить пришла! Не гневайся на него, он ни в чем не виноват. Это Радмила обманула его и всех нас. А он служил тебе верой и правдой, и ссылать его – это нечестно. Разреши Яромиру вернуться домой, пожалуйста!

Радосвет вмиг посуровел, даже руки ее выпустил:

– Что, надоел тебе уже Яромир? Избавиться от него хочешь?

– Не в этом дело!

– Значит, вы все-таки ладите?

– Да. Но...

– Тогда разговор окончен, – отрезал царь, сдвинув брови к переносице. – Разрешу вернуться, когда срок подойдет. А пока нет на то моего соизволения...

Тайка до боли сжала кулаки и, скрипнув зубами, выпалила:

– А мне говорили, ты хороший царь! Что ж, теперь сама вижу, какой «хороший». Тиран и самодур, вот ты кто! Разбрасываешься верными людьми. Наказываешь невиновных. Можно подумать, у вас с сестрицей все было гладко? Тоже враждовали ведь!

Царь Радосвет от этих слов дернулся, как от пощечины. Ага, значит, удалось уязвить.

– Замолчи! – ахнула бабушка, но Тайку уже несло:

– Может, и тебя тогда надо было в ссылку отправить?

– Ты ничего не знаешь, девочка... – вздохнул Радосвет.

– Я много знаю. Тебе, кстати, Василиса, мать Лютогора, большой привет передавала. Говорит, должок за тобой числится. О помощи просила. Что мне ей передать, а? Чего молчишь?

Царь в сердцах стукнул кулаком по столу так, что аж кувшин подпрыгнул и несколько капель кваса пролились на салфетку-самобранку.

– Рано тебе еще в политику лезть, коза-егоза! Яромир знает, что ему должно делать. А ты лучше сиди тихо и ни во что

не вмешивайся. Ради твоего же блага.

Тайка хотела возмутиться, но царь вдруг коснулся ее лба, прошептав что-то на незнакомом языке.

– Я не буду... – Слова вдруг застряли у нее в горле. Тайка сглотнула ком, моргнула и закончила фразу уже в своей спальне: – ...сидеть тихо!

М-да, вот тебе и сходила в гости, познакомилась с добрым дедушкой. И за что только ба его полюбила? У-у-у, деспот!

Глава седьмая.

Еще немного колдовства

После такого внезапного пробуждения у Тайки сегодня все просто валилось из рук. Огонь в печи долго не разводился, дрова давали больше дыма, чем жара, и даже омлет подгорел так, что сковородку теперь только выбросить. Пришлось завтракать печеньем с молоком.

К Яромиру на занятия она тоже опоздала – и не застала дивьего воина дома. Дверь ей открыла Марьяна, окинула запыхавшуюся Тайку сочувственным взглядом и вздохнула:

– Не дождался он тебя. Плюнул и ушел куда-то. Видать, сильно разозлился.

– Вот блин! – Девушка чуть не разревелась от обиды. – Я, можно сказать, из-за него и задержалась. Ну, то есть не совсем из-за него, но...

Слово за слово, она рассказала, как поругалась во сне с царем. Хоть кому-то же надо было пожаловаться!

– Ты лучше не говори Яромиру, что ходила за него просить, – покачала головой вытьянка. – Ему это не понравится. Гордый слишком.

– Да знаю я! И что мне теперь делать, Марьян? Прощения у него просить? У Яромира, я имею в виду, не у царя.

– А ничего не делай – веди себя как обычно. Приходи зав-

тра к назначенному часу и смотри не опаздывай. – Вытьянка приобняла ее, утешая. – Яромир хоть и вспыльчивый, но отходчивый, и сердце у него доброе.

– Ладно. Скажи ему, что я после уроков загляну. А то завтра с утра в школу, понедельник ведь.

– Ага, передам... Хочешь каши гречневой с молочком? Только что из печи.

От угощения Тайка отказываться не стала: после неудачи с утренним омлетом есть все еще хотелось – аж в животе урчало, – а одним печеньем сыта не будешь.

– Слушай, Марьян, а ты когда-нибудь бывала в Дивьем царстве?

Казалось бы, самый обычный вопрос – Тайка не поняла, с чего вдруг вытьянка помрачнела.

– Не помню, – призналась она с явной неохотой.

У Тайки округлились глаза:

– Как это не помнишь?!

– А вот так.

– Погоди... Но ты ведь не с рождения призраком была?

Тайка вдруг поняла, что никогда прежде не расспрашивала Марьяну о ее жизни. А еще подруга называется!

– Не с рождения. – Вытьянка вздохнула, нервно теребя прядь белых волос. – Когда-то я была человеком, как и ты. Но этого я тоже не помню. Просто однажды очнулась здесь, в заброшенном доме, – такая, как сейчас. И кроме собственного имени – чистый лист в голове. Наверное, этот дом для

меня что-то значил, если я тут очутилась.

У Тайки аж дух захватило: надо же, еще одна тайна была у нее прямо под носом! Она уже собиралась сказать, что это надо непременно расследовать, но Марьяна остудила ее пыл:

– Что ж, наверное, так было суждено. Я не хочу ничего вспоминать. Призраками не от хорошей жизни становятся. Так что вряд ли я забыла что-то доброе и светлое. Вон, пироги же помню, как готовить. Так что не лезь в это дело, ведьма. Мне и так неплохо...

Ну во-о-от! Было обидно, но Тайка не стала спорить. В конце концов, каждый имеет право на собственные тайны.

После завтрака настроение немного улучшилось, и она, распрощавшись с Марьяной, направилась к Аленке с твердым намерением научить подругу какому-нибудь колдовству. Пускай хоть кто-то сегодня порадуетя...

* * *

– Ой, Тая, ты правда будешь меня учить?! – Аленка запрыгала от радости. – Я уж думала, опять найдешь тысячу отговорок.

– Нет, ты права, мне нужна помощница. Вон у бабушки я была, а у меня – никого. Ну, из людей, я имею в виду. Только скажи, ты не надорвешься? В школе учебы хватает, а еще и колдовство – у тебя совсем выходных не останется.

Тайка спрашивала больше для проформы: она-то видела,

как уже загорелись Аленкины глаза.

– Ой, да кому вообще нужны эти выходные?! С чего мы начнем? А тетрадку нести?

– Если тебе так удобнее, – пожала плечами старшая подруга. – Можешь записывать, можешь запоминать, мне без разницы. Я хочу, чтобы ты поняла главное: хоть нас и называют ведьмами, мы людей не обижаем, а помогаем им. Если тебя будут просить сделать какой-нибудь приворот или порчу – сразу отказывайся. Ведьмы-хранительницы таким не занимаются.

Аленка почесала в затылке:

– Хм... А если это кто-то ну очень-очень злой? Как его наказать, если порчу насылатъ нельзя?

– В каждом случае придется разбираться отдельно. В колдовстве нет «средства от всех проблем», понимаешь? – Объясняя это, Тайка улыбалась. Помнится, бабушка говорила ей те же слова, которые она теперь повторяла Аленке. – А причинять зло – уподобляться плохому человеку. Станешь сама такой же – и удача тебя забудет: она злых и мстительных не любит...

– Угу, поняла.

– Вот и славно. Ну и чему же ты хочешь научиться для начала?

Тайка сплела руки на груди. Она совсем не чувствовала себя взрослой и опытной ведьмой. Наоборот. Внутренний голос твердил: «Ну куда ты лезешь? Сама еще толком ничего

не умеешь, а уже других учить вздумала! Может, лет через десять дорастешь, а пока ты – профессор кислых щей».

Оставалось надеяться, что подруга не пожелает узнать что-то, чего Тайка сама не знает. Но ей повезло – Аленка прерывающимся от волнения голосом попросила о самом простом:

– А научи меня обереги делать от хворей всяких, от пожара и молний, от воров, злых людей... и от нелюдей тоже. Я рукодельничать очень люблю, на всех с запасом наделаю, чтобы тебе не морочиться. У тебя ведь забот и без того хватает.

Радость Тайки была понятной (и даже немного эгоистичной): из нее самой рукодельница так себе, а если Аленка за дело возьмется, можно будет и вышивку бережливую делать на одежде, и пояса ткать, и куколок-благополучниц шить...

Она раздвинула шторы, чтобы в комнате стало светлее.

– Отличный выбор, Ален. Ну-с, приступим!

* * *

Время до вечера пролетело незаметно, и Тайка спохватилась, когда за окном совсем стемнело:

– Ох, и засиделись мы с тобой! Я, конечно, Никифору с Пушком вчерашнего борща оставила, но там мало, по полтарелочки.

– Тай, а когда мы в следующий раз позанимаемся? – Ален-

ке явно не терпелось продолжить.

– Да вот так же, в воскресенье. А до этого сделаешь домашку. Я напишу тебе список травок, которые надо будет собрать и засушить, – Тайка взяла карандаш и принялась записывать: душица, медуница, листья смородины...

– Для гербария? – Аленка заглянула в список через ее плечо.

– Для травницы-кубышки. Это самый простой оберег, но от него еще и пахнуть будет вкусно. Очень полезная в хозяйстве штука.

– Ой, только я, наверное, не все найти смогу. Сентябрь ведь уже.

– Не важно. Кое-что из списка и в аптеке купить можно. Нам сейчас важно понять принцип, а потом я тебе из своих запасов выделю травы в заветный день собранные, когда они наибольшую силу имеют. И будем с тобой уже полноценные обереги делать.

Они еще какое-то время поболтали, прощаясь на пороге... В общем, когда Тайка добралась до дома, Никифор уже сам доваривал макаронки, а пустая кастрюля из-под борща ждала своего часа в раковине.

– И где это тебя носило, Таюшка-хозяйюшка? Я уж волноваться начал, все ли в порядке. – Домовой с хлопаньем втянул макаронину с ложки и решил добавить в свое варево еще соли.

– Все хорошо. – Тайка сняла кроссовки и поставила их к

печке. — Учила сегодня Аленку обереги делать.

— Добро! — Домовой поскреб в бороде. — Она девочка способная, старательная, подспорьем тебе будет. Ужинать-то хочешь?

— Не, — мотнула она головой. — Я лучше спать пораньше лягу. Завтра в школу вставать ни свет ни заря, а я сегодня вообще не выпалась.

Она не стала говорить Никифору, что на самом деле надеется в эту ночь снова повидаться с бабушкой, а то вчера они так толком и не пообщались. А все противный царь Радосвет, чтоб его!

* * *

Зеркальце в берестяной оправе лежало на прежнем месте под подушкой, но Тайка уже трижды засыпала и просыпалась, потому что ей снились какие-то глупости. То контрольная по алгебре, к которой она не готова, то как они вдвоем с Аленкой ищут пропавшего Снежка, то очень недовольный Яромир, отчитывающий ее за опоздание... Вроде бы еще не кошмары, но все равно какие-то гадкие сны...

Небось, это царь решил ее в хрустальный сад пока не пускать, чтобы глаза не мозолила. Пф! Ничего, Тайка знала заклятие, позволяющее увидеть желаемый сон. Правда, бабушка говорила, что им надо пользоваться с осторожностью — а то вместе с нужным сном придут мары-кошмарицы, ко-

которые слетаются как мухи на мед, когда сновидец открывает свое сердце. Но Тайка все же решила рискнуть. Прижав бабкино зеркальце к груди, она забормотала:

– Мне б воды глоток, а второй – судьбе, пусть бежит клубок от меня к тебе. Путь заморожу кругом посолонь – тот, кого я жду, приходи в мой сон.

Веки вмиг отяжелели, будто свинцом налились. Тайка широко зевнула и... вдруг провалилась в мягкую густую траву. Метелки мятлика щекотали ее щеку, в голубом безоблачном небе сияло солнце, птицы весело пересвистывались над головой. Место было совершенно незнакомым.

– Уф, неужели получилось?.. – выдохнул кто-то совсем рядом.

– Лис?! – Тайка ахнула, узнав этот мягкий вкрадчивый голос, и резко села. – Что это за шутки?

– О, нет-нет-нет, только не просыпайся! – Старый знакомец встал прямо перед ней и замахал руками, заслоняя солнце. Его лица Тайка не могла разглядеть из-за света, но голос чародея казался встревоженным. – Знаю, ты не меня хотела увидеть, но произнесла заклятие очень кстати. Мне пришлось немного поколдовать, чтобы пробраться в твой сон, но, клянусь, я хочу просто поговорить!

– А тебе мама не говорила, что вламываться в чужие сны невежливо?

Закусив губу, Тайка лихорадочно соображала, что же ей теперь делать. Здравый смысл подсказывал, что наилучшее

решение – ущипнуть себя за руку и проснуться, но, с другой стороны, ей было очень интересно узнать, чего хочет Кошечевич. Вряд ли он стал бы так морочиться из-за пустяка. У него наверняка есть хитрый план. Но у Тайки имеется рябиновый оберег от Яромира, а значит, если Лис захочет причинить ей вред, она так и так проснется. В общем, как и всегда, любопытство победило.

– Я тут, кстати, кое-что принес, чтобы загладить вину. – Кошечевич шагнул ближе, и Тайка заметила в его руках корзинку, прикрытую плетеной крышкой.

– У нас что, пикник? – поинтересовалась она с нервным смешком.

Лис невозмутимо опустился рядом на траву и, откинув крышку, принялся выкладывать на скатерку какие-то сладости, больше всего похожие на халву, но почему-то розового цвета, засахаренные орешки, яблоки, апельсины и даже один спелый гранат. И где добыл только?

Перехватив Тайкин недоумевающий взгляд, он пожал плечами и сказал, будто оправдываясь:

– Ну люблю я фрукты...

– Ты не отвлекайся, рассказывай скорей, зачем пришел. У меня мало времени, скоро в школу вставать. – Она наблюдала, как ловко Лис чистит гранат, как выкладывает на тарелку спелые апельсиновые дольки, и невольно сглатывала слюну: уж очень аппетитно выглядело угощение. Но есть то, что принес враг, – пусть даже и во сне – было бы, пожалуй,

неосмотрительно.

Лис дочистил последний апельсин и по привычке втянул руки в рукава своего безразмерного свитера. Тайку удивило, что Кощеевич так и остался в обычной человеческой одежде. Он же вроде в Навье княжество собирался, а там наверняка другая мода. Кстати, интересно, какая?

Лис словно подслушал ее мысли:

– Мы с Радмилой сейчас прячемся в Дивьем царстве. Собирались в Навь, но оказалось, что за время моего отсутствия дома власть переменилась. Теперь всем заправляет моя старшая сестра, и, смею тебя заверить, с ней еще все хлебнут лиха.

– Это что, поветрие такое? – хмыкнула Тайка. – У всех какие-то нелады с сестрами!

– И не говори... – со вздохом отмахнулся Лис. – Просто беда...

Его взгляд стал жалобным, ну прямо как у котика из «Шрека». Он что, надеется, что Тайка помчится его спасать очертя голову? Ха, еще чего не хватало!

– И какое мне до этого дело? – Она сплела руки на груди, надеясь, что выглядит достаточно безразличной к горю врага (не друга – об этом постоянно приходилось себе напоминать).

– Ты не перебивай, слушай. Вот я, например, в отличие от моего отца, никогда не стремился захватить Дивье царство. Да, воевал. И побеждал, замечу. Будь моя воля – дав-

но бы столицу под себя подмял, просто не хотел. А сестрица церемониться не будет, она как Кощей. Может, даже еще опаснее! В общем, ведьма, грядет война – похуже всех бывших войн вместе взятых.

– Пф, очень страшно! – Тайка храбрилась, но по спине пробежали холодные мурашки.

Ох, надо бы предупредить бабушку... Только как, если теперь в хрустальный сад даже с зеркальцем не попасть?

– Я предлагаю перемирие. – Лис улыбнулся одной из своих самых милых улыбок (нет, Тайка не собиралась больше покупаться на эти мягкие манеры и мелодичный голос – уж она-то знала, насколько коварным может быть чародей). – Ну, не делай такое лицо, ты не ослышалась. Гонор моей сестры всем выйдет боком. Если она возьмется за дело всерьез, Радосвет не удержит свое царство, а я не смогу вернуть то, что принадлежит мне. Сестрица слишком много обо мне знает. Даже кое-что про мою смерть...

– Ты боишься сестру? – усмехнулась Тайка.

– Все чего-то боятся, – пожал плечами Лис. – Она давно на мое место метила. И когда меня в полон взяли, воспользовалась случаем. Еще в тюрьму подсылала ко мне змей да скорпионов.

– Знаешь, а мне она все больше нравится! Надо было и мне тоже тебе какую-нибудь гадюку подбросить.

– Не смешно. У нее в плену моя мать, поэтому у меня связаны руки. И сестрица это прекрасно знает. Поэтому первым

делом отправится воевать с Радосветом, захватит его земли, а я ничем не смогу ему помочь... Потом она убьет ни в чем не повинную Василису, да и меня, скорее всего, тоже не пощадит. И бессмертие не поможет.

– А ты, можно подумать, царю Радосвету помогать бы стал?

Лис пригладил растрепанную каштановую челку и хмуро глянул исподлобья:

– А что я по-твоему сейчас предлагаю? Не делом, так словом. Ты же помнишь, слова – мое главное оружие. А еще я тоже кое-что знаю о противнике, и эти знания я могу дать твоему деду прямо сейчас.

– А взамен? – Тайка не питала никаких иллюзий: это же Кощеевич, он ни за что не станет помогать бесплатно.

– Взамен я хочу перстень Вечного Лета – без него мою мать не расколдуешь. – Он увидел, что Тайка собирается возразить, и остановил ее жестом. – погоди, я уже понял, что Радосвет никогда не даст его мне в руки: боится, что я не верну его любимую побрякушку. Так пусть вручит тому, кому доверяет, и мы спасем Василису вместе. Заодно и свой должок исполнит. По-моему, отличная идея, а? Живая вода у меня есть, не хватает только малости – этого злосчастного перстня.

Тайка поджала губы:

– Нет, ну а кому, по-твоему, царь доверит перстень? Уж точно не мне. Мы с ним не знакомы почти и в единственную

нашу встречу поругались.

У нее вырвался невольный вздох, а чародей, усмехнувшись, покачал головой:

– Нет, что ты! Тебя он со мной не отпустит. Скажет, мала еще. Да и как можно отправить родную кровиночку в дальние земли с таким негодяем, как я? Вообще-то я говорил о Яромире. Перстень сейчас у него припрятан.

– Что?! – Тайка вытаращилась на Лиса, не в силах скрыть изумления.

– Тебе не сказали? – В голосе чародея прорезались сочувственные нотки. – Ничего, сейчас все объясню. Я не смог заполучить перстень, потому что он был защищен чарами. А знаешь, кто поддерживал эти чары для прежнего царя? Лада – матушка Радмилы и Яромира. Могущественная чародейка была, не чета нынешним. Ну а что с ней приключилось, ты и сама знаешь. Потом ее место заняла Радмила. Это ведь семейные чары, абы с кем не поделишься. Когда мы вернулись из Дивнозёрья, Радмила уничтожила свое защитное заклятие, и царю пришлось срочно придумывать, куда перепрятать реликвию. Ведь если враг знает, где лежит желаемое, он может просто пойти и взять.

– Ха, «просто»! Так он тебе и позволил!

Ох, как все это Тайке не нравилось: прямо до дрожи в коленях!

– А мне позволений не надо. – Лис с наслаждением запихнул в рот сочную дольку апельсина. – Где человек не

пройдет, там птица пролетит или мышь прошмыгнет. Я могу смотреть чужими глазами, помнишь? Радосвету это прекрасно известно. А тут как раз очень кстати вернулся Яромир, которого под удобным предлогом можно было услатить обратно в Дивнозёрье.

– И? – Тайка все еще не могла уловить мысль чародея.

– Он из той же семьи. Может, даже знает заклятие сокрытия. Но чародей из него так себе, а волшба лучше дается девицам. Рано или поздно Радмила пробилась бы сквозь защиту братца. А вот в Дивнозёрье его с перстнем никак не найти – другой мир, другие чары. Я бы мог просто подождать, пока все уляжется, но времени у нас мало...

М-да, вот, значит, что это была за «ссылка»? Как там сказал царь? «Яромир знает, что ему должно делать»? Ну-ну...

Тайка еще не знала, стоит ли верить Лису. Он, конечно, соврет – недорого возьмет, но сомнения в ее душу все-таки закрались. Яромир же, наоборот, лгать не умеет, зато недоговаривать большой мастак.

– Ладно, а я-то тебе зачем?

Она широко зевнула. Это значило, что время уже близилось к рассвету, пора было просыпаться.

– Поговори с царем и с Яромиром. Поведай им о моем предложении. А я свяжусь с тобой через несколько дней. – Лис махнул ей рукой. – До скорого, ведьма! Вот увидишь, ты даже стосковаться по мне не успеешь.

Тайка хотела ответить ему, что вообще-то ни капельки не

скучала по всяким там Кощеевичам, но тут, как назло, зазвенел будильник. Хочешь не хочешь, а пора было вставать и собираться в школу.

Глава восьмая. А времени все меньше...

В школе Тайка откровенно скучала, ей безумно хотелось, чтобы уроки поскорее закончились. Намного приятнее было думать, как Яромир начнет учить ее обращаться с мечом, чем решать дурацкие уравнения и строить графики. Эх, как же долго тянется время за нелюбимым делом! И, наоборот, – слишком быстро пролетает, когда занимаешься чем-то действительно интересным...

Она еле-еле дождалась звонка, первой собрала тетрадки с учебниками и выбежала из класса. Уже за воротами школы ее окликнула внучка бабы Иры, Людочка, про которую дед Федор еще летом говорил, что та часто видит кошмарные сны. Людочка была на несколько лет младше Тайки и училась сейчас в восьмом классе. Они не то чтобы дружили, но на переменках всегда здоровались – как-никак, все из одной деревни.

– Тай, ты домой? Давай вместе пойдем?

– Ну, давай...

Тайка не стала отказываться от компании, тем более что у нее зонта не было, а у Людочки был. Дождь, конечно, может, еще и не соберется – он сегодня весь день то накрапывал, то переставал, – но в воздухе с самого утра висела туманная

хмарь. До деревни не близко, а вместе идти всяко веселее. Заодно можно расспросить, как там обстоят дела с кошмарами...

– Ой, да все в порядке уже! – отмахнулась Людочка в ответ. – Бабушка тогда всполошилась, все твердила, мол, сходи к ведьме. Суеверная она у меня. А зачем ходить, если это просто сны?

– Знаешь, всякое бывает, – пожала плечами Тайка. – Но чаще всего и правда никакого колдовства. Ладно, я рада, что моя помощь не нужна.

– Ой, у тебя, кажется, рюкзак расстегнут. – Людочка зашла ей за спину и – вжик – застегнула молнию. – Слушай, Тай, а ты не замечала, что время как-то слишком быстро бежит? Иногда я оглянуться не успеваю, а день уже прошел. И в школе то же самое: вроде только что туда шла, а уже пора обратно.

Тайка даже немного позавидовала: ох, хотела бы она, чтобы время занятий пролетало как один миг!

– А мне вот, наоборот, кажется, что уроки тянутся и тянутся... – Она вздохнула, не понимая, почему Людочка расстраивается.

– Но я ничего не успеваю! Учительницу слушаю – в одно ухо влетает, в другое вылетает. Прихожу домой, сажусь уроки делать, моргну – а за окном уже темно. Бабуля ругается, что по хозяйству ей не помогаю. А когда мне?

– Может, ты слишком много в интернете сидишь? Тут, бы-

вает, даже почту проверить зайдешь – раз, и час прошел, – с усмешкой предположила Тайка. Ну да, она и сама грешна...

Людочка упрямо мотнула русыми косицами:

– Раньше такого не было! Вот, Тай, как по-твоему, сколько мы уже идем?

– Ну... минут пятнадцать, не больше.

– Угу. Только мы почти пришли уже, вон наша деревня. И посмотри на часы.

Тайка достала телефон и ахнула:

– Ого, сорок минут?! Правду говорят, за беседой время летит незаметно...

Людочка остановилась и прошептала:

– А вдруг бабуля права и меня кто-то сглазил?..

Тайка усмехнулась про себя (это кто тут еще суеверный!), на всякий случай оглядела подружку с ног до головы, но ничего подозрительного не обнаружила.

– Хм... Вообще-то не похоже... Знаешь, мне пора бежать. Давай я вечером к тебе зайду и еще раз посмотрю повнимательнее.

Она слишком боялась опоздать на встречу с Яромиром во второй раз. Тогда он ведь точно учить откажется...

* * *

Конечно, Тайка опять не успела! Ну что за невезение? Спасибо, на этот раз дивий воин не успел сильно разозлится-

ся – но устроил все так, чтобы после урока ученица ног под собой не чуяла. А ведь они, считай, ничего не делали: подумашь, учились ходить в стойке на полусогнутых. Зато время пролетело как один миг – стоило только войти во вкус. Ну, ничего, не в последний же раз!

Потом Марьяна пригласила на чай, и они болтали о том о сем, пока за окном совсем не стемнело. Тайке столько всего еще хотелось обсудить, и с Яромиром она так и не поговорила насчет кольца и предложения Лиса... Ну, что ж, значит, эту беседу тоже придется отложить на завтра...

– Пойду я. – Она встала и, закинув на плечи рюкзак, подтянула лямки. – Мне еще к Людочке надо зайти... Кстати, а бывает нечисть, которая крадет время?

Яромир пожал плечами:

– Никогда о такой не слышал.

А Марьяна сперва призадумалась, а потом хлопнула себя по лбу ладонью:

– Ага, вспомнила! Сама я их не встречала, но знаю кое-кого, кто однажды вляпался... Сенька, а ну-ка иди сюда!

Домовой Арсений вылез из-за печки, отряхнулся от золы и чихнул:

– Пчхи! Чего орешь? Не пил я бражку, а кувшин тот случайно перевернул. За собой вытер все, даже тряпку не облизывал.

– Да пес с ней, с бражкой! Расскажи-ка лучше о тех маленьких человечках, которые воруют время.

– А-а-а, часоглоты, что ль? – Сенька выдохнул, довольный, что его не будут ругать (похоже, бедолага весь день прятался за печкой в ожидании взбучки). – Ох, и прыткие тварюки! Спасу от них нет. Заводятся сами, как тараканы, ежели посуду не мыть да крохи со стола не подбирать. Только не у грязнуль, а у ленивых людей. Размером – от такой малый клоп! – не больше ногтя, зато вредности хоть отбавляй. Как начнут тебе волосы чесать, оглянуться не успеваешь, а несколько часов зазря пролетело... У меня завелись однажды, так еле вывел!

– Хм... А у бабушки в тетрадке про часоглотов ничего не сказано. Я наверняка запомнила бы.

Тайка нахмурилась. Что-то в последнее время у них в Дивнозёрье развелась всякая странная нечисть, которой прежде не бывало. Не к добру это!

– Конечно, не сказано, – хмыкнул Сенька. – Семеновна-то вона какая трудолюбивая была, с солнышком вставала. Да и другие деревенские лениться не обучены, с молодых ногтей за скотом ухаживают, хозяйство ведут. Ты не подумай, я-то тоже не лентяй, просто у меня была эта... как ее... диспсия, во!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.